КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть III

ИОСАФАТ БАТУРИН

Санкт-Петербург
Свое издательство
2017

УДК 929(093)
ББК 63.3(2Камч)
В22

Вахрин Сергей Иванович
В22
Масонский заговор : часть третья. Иосафат Батурин. — Санкт-Петербург: Свое издательство, 2017. — 72 с. *(Серия «Камчатские ссыльные. Тайная история России»)*.

ISBN 978-5-4386-1373-2

© Вахрин С. И., 2017
© Свое издательство, 2017

В 1748 году в России возникла угроза нового дворцового переворота. Насколько серьезной была эта угроза, попытался разобраться историк Александр Платонович Барсуков, проведя собственное расследование, итоги которого он опубликовал в журнале «Древняя и Новая Россия» № 2 за 1875 год.

ИОСАФАТ БАТУРИН

Эпизод из истории царствования Елисаветы Петровны.

I

К числу бедственных годов, пережитых многострадальною Москвою, бесспорно следует отнести 1748 и 1749 годы Елисаветинского царствования. То была самая суровая пора в истории крепостного права в России. Правительство, в видах обеспечения более правильного платежа податей, принуждено было предпринять, около того времени, ряд мер, очевидно клонившихся к прикреплению податного сословия и расширению пределов господской власти. Так, в 1742 году, повелено было произвести новую всенародную перепись[1]. Главная цель этой меры определялась следующими словами инструкции, данной ревизорам: «дабы ни один без положения не оставался». Таким образом, закон стирал последние признаки личной свободы. Служилый человек должен был записаться в службу за государством, податной — в подушный оклад за всяким, кто только примет его и обяжется платить за него подушную подать. Люди, слывшие до того времени вольными и обязанные теперь непременно приискать себе господина, могли еще по крайней

[1] По счету — вторая. Первая производилась при Петре Великом, в 1719 году.

мере выбирать себе этого господина, по своему желанию, и входить с ним в некоторые условия закрепощения, но вскоре они лишились даже и этой, весьма скромной, льготы. Закон 14 марта 1746 года, предоставивший право иметь крепостных людей одному лишь малочисленному дворянству[2], окончательно стеснил свободных бедняков: они должны были теперь просить уже как милостыни, чтобы кто-нибудь из дворян взял их к себе в вечное рабство, с обязательством платить за них подати, а которые не успевали в этом, тех записывало к кому-либо само правительство, по своему усмотрению, или же ссылало для поселения в Оренбург, а то и в работу на казенные заводы. Крестьяне протестовали против такого неестественного порядка вещей своим обычным способом: они толпами бежали от тягостей крепостного состояния в Астраханские и Оренбургские степи, в Сибирь, в Прибалтийские провинции, в Польшу, Пруссию и даже в бусурманскую Турцию. Из оставшихся дома, одни покорно записывались в вечную и безусловную крепость, другие бежали «для вольных работ» на фабрики, заводы, но там попадали в пущую неволю к фабрикантам; наконец, самые озлобленные — разрывали все связи с обществом и жестоко мстили ему разбоями, достигшими в ту пору до небывалых размеров. Темные закоулки Москвы и окружающие ее слободы всегда представляли гостеприимный и безопасный приют для всяких «вольных, прихожих и гулящих людей». В описываемое время беглые крестьяне и дворовые люди отовсюду стекались в Белокаменную и не замедлили дать знать о своем присутствии рядом поджогов и открытых грабежей, распространявших всеобщую панику. «Все свободные люди, — читаем в частном письме из Москвы от 26 мая 1748 года, — оставя свои домы, въезжают в деревни, кто ж не имеет деревень, все выехали на поле и там живут,

[2] Полн. Собр. Закон. 1746 г. № 9267.

а бедные, кому лошадей нанять нечем, на себе вытаща скарбишки свои, расположились и живут по пустырям, где и спасение от таких пожаров худое, да куда же деться? Копают великие ямы и свои пожитки туда прячут, чего, чаю, от Польского раззорения не бывало… Притом, жары великие и вихри были, ржи засохли, а яровое не всходит»[3]. Как велики были тогдашние бедствия Москвы, можно видеть и из того, что даже в Петербурге признали необходимым расставить гвардейские пикеты около дворцов, на площадях и на улицах, ближайших к московской дороге, «дабы с той стороны никакой злодей вкрасться и такое же зло учинить не мог, понеже всем известно — как сказано в именном указе — какое в Москве, от огненного запаления, как уже явно оказалось, от большей части злодеями чиненного, чрез частые пожары многое раззорение воспоследовало»[4].

В такое-то тревожное время императрица Елисавета Петровна задумала переехать со всем двором, синодом, сенатом и коллегиями в Москву, где и имела пребывание с декабря 1748-го по декабрь 1749 года. Если при этом предполагалось обеспечить порядок в древней столице, то цель эта, кажется, не была достигнута. Несмотря на присутствие двора и высших правительственных учреждений, проживающие в Москве «господские люди не только ночью, но и днем проезжих грабили и убивали»[5], а в Московском уезде «разбойники жгли обывателей в их домах». Весьма знаменательно, что при таких трудных обстоятельствах, императрица, по-видимому, более рассчитывала на силу нравственного примера, нежели на репрессивные меры. Большую часть времени она посвящала молитве и богомольным путешествиям за город, по примеру своего благочестивого деда. Камер-фурьерский

[3] Архив князя Воронцова, кн. IV, стр. 9.

[4] Полн. Собр. Закон. 1748 г. № 9503.

[5] Там же № 9574.

журнал печального 1749 года почти исключительно наполнен записями об этих царских выездах, между которыми особенно замечателен так называемый «Троицкий поход». Это богомольное путешествие в Троице-Сергиеву лавру, совершенное императрицею, по обету, пешком, началось 3-го июня и продолжалось с перерывами до самого Петрова дня. Такое тихое шествие может быть происходило и оттого, что с переездом в Москву императрица беспрестанно заболевала спазмами и коликою, причинявшими ей большие страдания. Пройдя две-три версты «пеша», императрица садилась в карету или останавливалась в попутном селе, а иногда возвращалась назад; потом снова «выступала в поход» и непременно проходила пешком то пространство, которое перед тем проезжала в карете. Вероятно, погода благоприятствовала этому путешествию, потому что не только обед и ужин, но даже и ночлег приготовлялись под открытым небом, на лугу, в раскинутых шатрах. Таким образом, императрица дошла до села Братовщины (в 30-ти верстах от Москвы) лишь 9-го июня. Пробыв здесь две ночи, императрица поспешно возвратилась в столицу, «оставив в оном селе караульных лейб-гвардии офицеров»[6]. Такой неожиданный перерыв путешествия очевидно был вызван каким-нибудь чрезвычайным случаем. И действительно, в то время на одной из самых значительных московских суконных фабрик произошли беспорядки, имевшие, по-видимому, тесную связь с общим крестьянским движением. Рабочие той фабрики вдруг оставили работу и разбрелись по московским харчевням и фортинам, наводя на всех ужас беспощадными грабежами и убийствами. Нужно сказать, что положение фабричных того времени было действительно отчаянное.

[6] Камер-фурьерский церемониальный, банкетный и походный журнал 1749 года, во время пребывания Высочайшего Двора в Москве.

Это был готовый материал для всякой смуты, припасенный самим правительством. Еще в царствование Анны Ивановны содержатель Ярославской полотняной фабрики Иван Затрапезный, полотняной и парусной фабрики — Афанасий Гончаров и друг. фабриканты неоднократно представляли сенату, что «размножению и спокойному содержанию» заведенных ими фабрик препятствует недостаток в мастерах, подмастерьях, учениках и работных людях. Вследствие чего в 1736 году состоялся именной указ, коим повелено было «оставить вечно при фабриках» всех тех, которые обучились на оных какому-нибудь мастерству, а на будущее время «на тех фабриках всяким мастерствам обучать и в мастера производить из детей вышеписанных, отданных им вечно». За тем, «кто из тех вечно отданных к фабрикам сбежит на прежнее жилище или в иные места, там нигде не принимать и не держать, а поймав, приводить и объявлять в городах воеводам, а им учиня наказание, отсылать на те ж фабрики, откуда бежали… А кто из них явятся невоздержные и ни к какому учению не прилежные, о тех самим фабрикантам, по довольном домашнем наказании, объявлять в коммерц-коллегию, откуда, по свидетельству фабрикантскому, ссылать в ссылки в дальние города или на Камчатку в работу, чтоб другим был страх». Таким образом, те несчастные, которые имели неосторожность научиться мастерству, отдавались с потомством в полную собственность фабриканта. Всех же тех, которые состояли на фабриках «при черных работах, отдать чьи они были, а впредь в те работы нанимать вольных с пашпортами». Тогда же предоставлено было фабрикантам «и впредь покупать на свои мануфактуры и фабрики людей и крестьян токмо без земель и не целыми деревнями»[7]. Как тяжело было жить фабричным рабочим, при таких широких правах фабриканта, красноречивее всяких описаний

[7] Полн. Собр. Закон. 1736 г. № 6858.

свидетельствуют «происшествия на фабриках», подобные тому, которое заставило императрицу Елисавету Петровну прервать свое богомольное шествие к Троице.

12 июня 1749 года содержатель Московской суконной фабрики Ефим Болотин с товарищи подали в мануфактур-коллегию объявление[8] о том, что «записанные при той фабрике, по силе именного указа 1736 года, работные люди, неведомо с каким умыслом, суконное дело оставили и упрямством своим работать не хотят, и за такою их остановкою им никакими мерами сукон выставить и фабрики содержать невозможно»[9]. Фабриканты требовали, чтобы «объявленным работным людям, за их своевольство и непослушание, когда пойманы будут, учинить наказание, малолетним, вместо кнута, плетьми, а немалолетних — десятого кнутом». Коллегия вызвала трех работников из 120 человек, оставшихся на

[8] Полн. Собр. Закон. 1749 г. № 9643.

[9] Московская суконная фабрика Болотина, учрежденная в 1736 году московскими купцами: Еремеевым, Васильковым, Товаровым, Носыревым, Колобовым, Журавлевым и Бабкиным, находилась в Замоскворечье, в приходе Космы и Дамиана в Кадашах, на старом Денежном дворе, называемом Кадашевским (Описание императ. столич. города Москвы, собр. в 1775 г. Рубаном. Спб. MDCCLXXXII, стр. 134). Учредители получили из казны, заимообразно, денежную ссуду, в размере 10 т. рублей, без процентов, с тем, чтобы сумма эта была возвращена в 3 года поставкою мундирных сукон или монетою. В высочайшей привилегии, данной учредителям, между прочим выражено: «повелеваем оную фабрику размножить сильною рукою, а не под видом содержать, чтоб оною от служеб и от постоев быть свободным и в делании мундирных на войска наши сукон тщиться с усердным радением, дабы деланы были самого доброго качества и из доброй шерсти и добротою б час от часу лучше» (Полн. Собр. Зак. 1736 г. № 7060). По уплате ссуды, фабриканты обязались, контрактом, поставлять на войска по 100 т. аршин сукна в год. («История России» С. М. Соловьева. Т. XXIII, М., 1873. С. 28).

фабрике, и спросила их: «чего ради той мануфактуры мастеровые и работные люди многие, оставя суконное дело, с мануфактуры разошлись?». Те отвечали, что не знают, почему «те работные люди собою самовольно более 800 человек[10] сошли и какого ради вымыслу суконное дело оставили и к работе не являются… А они-де, и в том числе отлучившиеся с фабрики, от содержателей заработные деньги получают все сполна, без удержания и работу фабриканты дают беспрерывно». Коллегия дала знать о случившемся происшествии в московскую полицеймейстерскую канцелярию, которая, хотя и была в то время в больших хлопотах по делу знаменитого вора-сыщика Ваньки Каина, однако не замедлила назначить особую команду для поимки беглых фабричных. Начальнику этой команды, капитану Ивану Павлову удалось, наконец, разыскать в разных воровских притонах 381 работника, которых он и возвратил на фабрику 26 июня, но в тот же день содержатели фабрики донесли мануфактур-коллегии, что рабочие, возвращенные полициею, «упрямством своим к работе нейдут и чинятся им противны». Члены коллегии отправились всем собранием на фабрику и «наикрепчайше приказывали» рабочим «вступить в работу», но те единогласно объявили, что «о чинимых им от фабрикантов обидах и непрестанных жестоких наказаниях они подали

[10] Законом было установлено, сколько крестьянских душ могло быть приписано к каждой фабрике. На суконных фабриках пропорция эта определялась по числу станов, полагая на каждый по 42 души; из общего числа работников предписывалось употреблять на действительную фабричную работу 1/5 часть, а прочих иметь у черных работ на принадлежащих фабрикам землях, мельницах и т. п. Таким образом, при суконной фабрике Ефима Болотина, имевшей 170 станов, по штату положено было 7 140 рабочих, из них собственно для фабричного производства только 1 428 человек. Само собою разумеется, что на лицо могло состоять гораздо меньше, сообразно с обстоятельствами и нуждами фабрики.

прошение ее императорскому величеству, и доколе на оное их челобитье указ не воспоследует, по то время в работу не пойдут». Собрание начало усовещивать ослушников и предлагало им объяснить свои нужды и неудовольствия непосредственно самой коллегии, не утруждая императрицы, но фабричные, по исконной народной ненависти к «приказному люду», не желали объясняться с чиновниками и добивались суда царского. Тогда члены коллегии положили наказать «пущих заводчиков»[11], для страха другим, кнутом, но предварительно распорядились развести прочих фабричных в палаты, «дабы при том наказании не учинено было от них какого возмущения». Рабочие не хотели идти в палаты, «однакоже в те палаты и по неволе введены». Но как только начали наказывать первого из «заводчиков» — ткача Терентия Афанасьева, «работные люди из палат великим гвалтом бросились в двери и команду отбили знатно, хотя его, Афанасьева, от наказания избавить». Если бы не капитан Павлов, вовремя подоспевший с своею командою, фабричные «уповательно учинили бы не малые злодейства». Наказание зачинщиков только раздражило их товарищей. Все они, за исключением 20 человек, «объявили, что в работу не пойдут и не пошли и учинились противны». К 30 июню дела Ефима Болотина несколько улучшились. В тот день он донес мануфактур-коллегии, что только 127 человек «в работу упрямством своим не вступают» и что в бегах еще осталось 586 человек. Затем, 7 июля, состоялось сенатское определение, по коему десятого человека из 127 упомянутых работников приказано бить кнутом, а после того, вместе с прежде наказанными коллегиею, «заковав в кандалы, сослать в Рогервик в работу», а остальных ослушников наказать плетьми «и велеть ввесть в палаты и к работе принудить».

[11] Т. е. главных зачинщиков: Терентия Афанасьева, Федора Васильева, Дмитрия Шубина, Сергея Козмина и Дмитрия Перфильева.

По этому определению 8 июля, в день празднования Казанской Божией Матери, на Большом суконном дворе публично наказывали фабричных кнутом и плетьми, заковывали в кандалы и снаряжали в ссылку… Такое явное неуважение к свято-чтимому празднику должно было произвести тяжелое впечатление на жителей столицы. Может быть, оно вызвало даже какие-нибудь новые беспорядки; прямых указаний на это не имеется, но только известно, что через два дня состоялся именной указ о том, «чтобы впредь с сего времени в праздничные и викториальные дни никаких экзекуций никому не чинить»[12].

Между тем еще 21 июня, в самый разгар буйства фабричных, императрица Елисавета Петровна уехала в село Братовщину, для продолжения прерванного путешествия, приказав при этом вел. кн. Петру Федоровичу и вел. княгине, остававшимся до того в Москве, переехать, на время Троицкого похода, в имение Чоглоковых — д. Раево, в 11 верстах от Москвы, по Троицкой дороге. Распоряжение это, без сомнения, имело некоторую связь с ходившими в то время слухами о расстроенном здоровье императрицы и о возможности скорой ее кончины, слухами, породившими столько соблазнительных предположений и догадок о дальнейших судьбах русского престола. Повторение при этом имени Иоанна Антоновича представлялось даже опасным, в виду того возбужденного настроения, в котором находились жители столицы. К тому же и в лице вел. кн. Петра Федоровича всякий видел единственного внука Петра Великого, а, следовательно, имевшего больше державных прав, нежели сама Елисавета Петровна… Все это, конечно, раздражало императрицу и делало ее подозрительною даже к членам своей семьи. Отсылая молодой двор, на время своего отсутствия из столицы, к таким надежным

[12] Полн. Собр. Закон. 1749 г. № 9646.

людям, как Чоглоковы[13], она могла спокойно продолжать свое богомольное путешествие.

После отъезда императрицы московские беспорядки усилились до такой степени, что правительство принуждено было, наконец, прибегнуть к решительным мерам. Именным указом 25 июня повелено было «для искоренения злодеев полицейскую московскую команду усилить солдатами из полевых полков». В скором времени из среды этих самых войск выступил на сцену человек, задумавший было воспользоваться московскою неурядицею для совершения государственного переворота. То был Иосафат Батурин, подпоручик Ширванского пехотного полка.

II

Иосафат Андреевич Батурин принадлежал к старинной дворянской фамилии, получил и соответствующее своему общественному положению образование. Он воспитывался в сухопутном шляхетном кадетском корпусе в одно время с А. П. Сумароковым, А. В. Олсуфьевым и князем Мих. Никит. Волконским, столь известными деятелями Екатерининского царствования, Батурин поступил в корпус в апреле 1732 года и в апреле же 1740 г. выпущен был в армию прапорщиком с следующим аттестатом: «переводит с немецкого на российский язык легких авторов; рисует красками; геометрию и практику окончал; фехтует в контру; немецкую ореографию начинает»[14]. О поведении Батурина умалчивается в аттестате и очень может быть потому, что

[13] Припомним, что Николай Наумович Чоглоков был женат на близкой свойственнице государыни — гр. Марье Симоновне Гендриковой.

[14] Именной список всем бывшим и ныне находящимся в Сухопутном Шляхетном Кадетском Корпусе Штаб-Обер-Офицерам и Кадетам. СПб., 1761. Ч. I. С. 27.

не представлялось возможным сказать что-нибудь в пользу аттестуемого.

Гораздо позже Екатерина в своих записках охарактеризовала Батурина весьма непривлекательными чертами. По ее словам, это был обремененный долгами игрок, слывший негодяем, но обладавший весьма решительным нравом[15].

Еще в начале царствования Елисаветы Петровны Батурин, служа прапорщиком в Луцком драгунском полку, был приговорен, «по содержанному над ним фергеру и кригсрехту», к смертной казни «за непристойные, противные и неучтивые слова» против своего полковника фон-Экина, а также за ложное сказывание «слова и дела по первому пункту» за тем же полковником и за прапорщиком князем Козловским. Военная коллегия несколько смягчила этот суровый приговор: Батурин был лишен прапорщичьего чина и патента и послан на три года в Сибирь, в казенные работы, с тем, чтобы по прошествии этого срока был определен до выслуги в солдаты. Из Сибири Батурин опять объявил за полковником фон-Экиным и князем Козловским «слово и дело», вследствие чего был вызван в тайную канцелярию, где объяснил, что однажды, в присутствии Экина и князя Козловского, он сказал: «Куда-де как хорошо выстроен в Курляндии дворец бывшего герцога Курляндского! Ежели бы-де можно было перенести его в Москву или в Петербург!». На это полковник Экин, в присутствии князя Козловского, ответил будто бы: «Тот-де дворец затем хорошо выстроен, что государыня Анна Иоанновна любила герцога… да не наше то дело»! Этот оговор не удался. Полковник Экин

[15] Записки императрицы Екатерины II. Лондон, 1859. С. 87. Екатерина, писавшая свои записки уже после 1780 года, конечно, забыла настоящее имя Батурина, его чин и место служения. Она ошибочно называет его Яковом и капитаном Бутырского полка. Нужно заметить, что Ширванский и Бутырский полки всегда состояли в одной дивизии.

и князь Козловский, допрошенные по этому делу в Сибирской губернской канцелярии, оказались невиновными. Тогда Батурин попробовал очернить Экина другим способом. Он донес «о чинимых, будто бы, им, полковником Экиным, непорядках и противных регулам поступках». О доносе этом было сообщено, по принадлежности, в военную коллегию, куда отправлен был и доноситель. В коллегии Батурин «показывал о некотором в Сибирской губернии и в Иркутской провинции не малом интересе» и весьма удачно повернул дело к каким-то проектам и предложениям, переданным коллегиею на заключение сената, который определил «исследовать чрез нарочного о предложении» Батурина и затем представить таковое на воззрение ее императорского величества. Сам же Батурин, до воспоследования высочайшей резолюции на заявленное им «предложение», освобожден был на поруки. К сожалению, остается неизвестным, в чем заключалось предложение Батурина, одобренное, по-видимому, и военною коллегиею, и сенатом. Можно думать, что по достаточном расследовании, оно оказалось не заслуживающим высочайшего воззрения и, вероятно, было придумано Батуриным только для того, чтобы оттянуть время до окончания срока ссылки, по истечении которого он должен был поступить до выслуги в солдаты. Как бы там ни было, но в 1749 году Батурин был уже подпоручиком и состоял в Ширванском пехотном полку, квартировавшем в окрестностях Москвы, недалеко от д. Раева, куда в июне месяце переехали, по приказанию императрицы, вел. кн. Петр Федорович и великая княгиня.

Жизнь молодого двора в Раеве не отличалась разнообразием. По свидетельству Екатерины, великий князь с утра до вечера тешился охотою, которая, благодаря предупредительности Чоглокова, была организована весьма тщательно. Она состояла из двух свор: в одной находились русские собаки, за которыми смотрели русские же егеря, а в другой

французские и немецкие собаки, за которыми ходили старый берейтор-француз, мальчик-курляндец и некий немец. Иностранная свора находилась в непосредственном заведывании великого князя, который входил во все малейшие подробности псарни и почти не разлучался с ее приставниками. Батурин нашел случай сойтись с великокняжескими егерями-иностранцами и убедил их сказать, при случае, великому князю, что, вот мол, в Ширванском полку есть офицер Батурин, чрезвычайно преданный его высочеству и что весь полк разделяет его чувства. Это понравилось великому князю, и он расспрашивал у егерей о разных подробностях, относящихся к выхваляемому полку. После такой подготовки Батурин стал добиваться позволения представиться великому князю во время охоты. Несколько подумав, великий князь уступил просьбе егерей, и Батурину указали место в лесу, где он должен был дожидаться великого князя. Едва показался Петр Федорович, Батурин бросился на колени и начал клясться, что кроме его, великого князя, он не признает над собою другого государя и готов исполнить все, что только он ни прикажет ему. Петр Федорович, испуганный этою неожиданною исповедью, в ту же минуту пришпорил лошадь и помчался далее, оставя за собою распростертого Батурина. Так, по крайней мере, рассказывал Екатерине об этом странном случае несколько времени спустя сам великий князь, уверяя при этом, что он не имел с Батуриным никаких других сношений, и что он предупреждал своих егерей остерегаться этого человека, чтобы не попасть с ним в беду. Эти уверения и смущение великого князя привели Екатерину к подозрению, что муж ее не вполне откровенен, что в его рассказе осталось что-то недоговоренным.

В скором времени подозрение Екатерины оправдалось, по крайней мере в том отношении, что происшествие в Раеве имело гораздо более серьезное значение, нежели то, которое придавал ему или старался придать великий князь.

В начале зимы, когда оба двора, большой и малый, возвратились в Москву, Батурин был арестован и отвезен в страшное Преображенское для допросов по доносу на него прапорщика Тимофея Ржевского и вахмистра Александра Урнежевского, а через несколько дней туда же отвезли и великокняжеских егерей. Это обстоятельство чрезвычайно встревожило Петра Федоровича. Екатерина всячески старалась ободрить его, уверяя, что если у него действительно не было других сношений с Батуриным, кроме встречи с ним в лесу на охоте, то он может быть спокоен, что вся эта история пройдет для него благополучно; но великий князь успокоился только тогда, когда узнал стороною, что его имя не посрамлено на допросах. Это известие заставило его даже прыгнуть от радости.

В Преображенском, в котором существовали еще в то время ужасные Петровские застенки, допрашивали, кроме Батурина и великокняжеских егерей или пикеров, как они названы в подлинном деле, еще суконщика Кенжина и служащих в Воронежском батальоне: подпоручика Тыртова, с двумя гренадерами Худышкиным и Кетовым.

Следствием обнаружилось следующее: Батурин просил двух егерей псовой охоты вел. кн. Петра Федоровича доложить его высочеству, что он, Батурин, может подговорить к бунту всех фабричных, Преображенский батальон, находящийся в Москве, и лейб-компанцев, участвовавших в возведении на престол Елисаветы Петровны, «которые-де к тому склонны и того давно желают, а им-де от его высочества дана будет знатная сумма денег». Все мы, совокупясь, — говорил Батурин велико-княжеским егерям, — заарестуем весь дворец и Алексея Разумовского, а в ком не встретим себе единомышленника, того изрубим в мелкие части. Государыню же не выпустим из дворца до тех пор, пока его высочеству коронации не будет, а ежели той коронации не захотят архиереи, мы всех их, где бы они ни были,

вытащим и принудим к тому силою. Затем, взяв великого князя, привезем его в церковь и велим короновать, а какой архиерей не послушается, тому отрубим голову. «Ежели-де не бунтом идти, то его высочеству коронации никогда не бывать, для того что до той коронации Разумовский не допускает», а поэтому Батурин полагал собрать «хоть малую партию», нарядить всех в маски, посадить на коней и, улуча Разумовского на охоте, изрубить его или другим каким способом искать его смерти. В другой раз Батурин просил егерей доложить великому князю, что у него уже собрано тысяч с тридцать людей, да еще может быть приготовлено тысяч двадцать, и что ему помогут исполнить задуманное «намерение» большие люди: граф Бестужев и генерал Степан Апраксин, которые, будто бы, уже стали на его сторону. Батурин пояснил на допросе, что он и сам хотел было однажды ехать к камердинеру великого князя Ивану Николаеву и просить, чтобы тот доложил об его намерении его высочеству, но будучи пьян, не поехал.

Привлеченный к допросам суконщик Кенжин, может быть, был один из тех беглых рабочих суконной фабрики Ефима Болотина, которые летом наделали столько хлопот и своему хозяину, и мануфактур-коллегии. Батурин, подговаривая Кенжина «склонить к бунту всех фабрик работных людей, обнадеживал его тем, что вел. князь отдаст суконщикам удержанные заработные деньги и еще наградит от себя»; Батурин даже уверял, что его высочество уже поручил ему «взять у одного купца пять тысяч рублей для раздачи, к учинению бунта, фабричным». Подпоручику же Тыртову Батурин уже прямо говорил, что у него-де готово фабричных с тридцать тысяч, с которыми намерен «вдруг ночью нагрянуть на дворец и арестовать государыню со всем двором»; он убеждал Тыртова быть верным его высочеству, содействовать его коронации и даже объявил ему именной указ его высочества о том, чтобы он, Тыртов, убил

Разумовского до смерти, объясняя при этом, что во время Троицкого похода, он, Батурин, хотел было однажды на охоте сам выстрелить в Разумовского из пистолета, но что великий князь удержал его от того. Ободряя Тыртова, Батурин говорил и ему о 5 т. рубл., которые великий князь приказал, будто бы, взять у купца и, «раздав их народу, приводить тот народ к бунту». Всех этих подробностей задуманного предприятия Батурин, по-видимому, не открывал остальным своим единомышленникам, т. е. гренадерам Худышкину и Кетову. Он им только говорил: мы хотим короновать великого князя, приставайте к нам и объявите своей братии гренадерам, что кто из них будет за нас, того его высочество пожалует капитанским рангом и определит на капитанское жалование, «так как ныне есть Лейб-Компания». Пример счастливого жребия лейб-компанцев находился у всех на глазах, а самый их подвиг был еще на свежей памяти, а потому нет ничего мудреного, что соблазнительные обнадеживания Батурина увлекли гренадеров. Они, вместе с подпоручиком Тыртовым и вахмистром Урнежевским, приложились к складням[16] и поклялись пред ними, что «ежели кто из поименованных куда попадется, то б тому о том никому не сказывать». После этой присяги Батурин отправился с Урнежевским к московскому купцу Ефиму Лукину и, назвав себя «обер-кабинет-курьером», объявил, что его высочество великий князь приказал взять у него, Лукина, денег пять тысяч рублей. Удивленный Лукин ответил, что он недавно приехал из Петербурга и не видел там великого князя, «а не видав-де его высочества, денег ему, Батурину, не даст». Этот решительный ответ не смутил Батурина. Он потребовал бумаги и, написав на имя его высочества записку «латинскими литерами», просил Лукина передать ее великому князю. В этой записке Батурин писал, что «у него готово людей пятьдесят

[16] Складные иконы.

тысяч». В деле пояснено, что Батурин по этой записке «желал получить от его высочества отповеди», и что ежели бы он получил от Лукина требуемые деньги, то роздал бы их «к объявленному бунту солдатству и фабричным». С тем же Урнежевским Батурин ходил «к одному крестьянину о своем намерении загадывать», и тот, как сказано в деле, «обманывал их и загадывал». Неизвестно, какое гадание вышло Батурину, но только дни его свободы были уже сочтены, и созданный им план восстания рушился вследствие доноса. Какими же, однако, соображениями руководствовался Батурин в своем «злодейственном намерении к бунту» в пользу вел. кн. Петра Федоровича? На это сам подсудимый дал следующий ответ в тайной канцелярии:

«Слова о коронации я говорил в тех рассуждениях, чтобы ее величество была при своей полной власти, как она есть и теперь, а его б высочество, с повеления ее величества, имел одно только Государственное Правление и держал бы армию в лучшем порядке, не так как она имеется (теперь). Ежели б армия была под предводительством его высочества, то б всякий солдат, видя его высочество при армии, сам себе храбрости придал и, уповая, что его монарх присутствует при войне, делал бы больше храбрых оказий и поступков; а в Государственном Правлении его высочество мог бы всякому бедному против сильных лиц защищение чинить».

При чтении этого показания невольно вспоминается сделанный М. Ф. Каменским в 1765 г. в письме к в. кн. Павлу Петровичу намек на сорок лет терпения, после коих российское войско удостоено было, наконец, видеть лицо своего государя, т. е. Петра III-го[17]. Очевидно, что мысли, высказанные Батуриным на допросе, разделялись многими военными людьми того времени.

[17] Русск. Архив. 1873 г. С. 1555.

Екатерина объясняет в своих записках, что она не видела и не читала дела Батурина, но что ей сказывали за достоверное, что последний хотел лишить жизни императрицу, поджечь дворец и, воспользовавшись общим смущением и сумятицею, возвести на престол великого князя Петра Федоровича. Полагаем, что это преувеличено, потому что даже после дознания с обычным пристрастием не обнаружилось, чтобы план Батурина имел такой разрушительный характер. Трудно утверждать это с полною уверенностию, так как в имеющейся у нас выписке из подлинного дела нет ни показаний купца Лукина о деньгах[18] и о записке Батурина «латинскими литерами», ни показаний великокняжеских егерей о том, докладывали ли они его высочеству о замысле Батурина. Вышеприведенное свидетельство Екатерины о радости Петра Федоровича при известии, что его имя не посрамлено на допросах, конечно, дает право заключить, что егеря действительно не докладывали великому князю о Батуринском замысле, но с другой стороны, весьма возможно допустить, что егеря не желали выдавать великого князя; наконец, и сами следователи могли обходить этот щекотливый вопрос, чтобы не позорить репутации наследника престола. Во всяком случае, дело это представляется весьма загадочным. Такова была и развязка его: императрица Елисавета Петровна, прочтя представленный ей экстракт из дела, по неизвестной причине не положила никакой конфирмации, «а за невоспоследованием конфирмации» (как сказано в деле) Батурин послан из тайной канцелярии «к крепкому

[18] Замечательно, что Екатерина, вскоре по вступлении на престол, наградила между прочим и Лукина. Сохранилась записка ее к А. В. Олсуфьеву, от 2 ноября 1763 г., следующего содержания: «Выдать из комнатной суммы московскому купцу Ефиму Денисову сыну Лукину, две тысячи рублев, которые мы жалуем». (Сборник Императ. Русск. Истор. Общества. Т. VII. С. 174).

содержанию» в Шлиссельбург лишь в 1753 г., т. е. через четыре года после того, как был арестован!

Из соучастников Батурина — гренадеры Худышкин и Кетов посланы в Рогервик, в работу, подпоручик Тыртов и суконщик Кенжин сперва туда же, а потом в Сибирь «в острог, на житье вечно». Великокняжеские егеря, «кои только об оном намерении слышали и не донесли», освобождены. Наконец, крестьянин, «за обманное угадывание», послан в Оренбург для определения на службу, «в какую способен явиться».

III

В январе 1767 года 4-я рота 3-го С.-Петербургского пограничного батальона вступила в Шлиссельбург для занятия караулов. Командир роты капитан Акиншин, тотчас же по прибытии в крепость, сделал надлежащий расчет нижним чинам и развел их по караульным постам. Капралу Василию Михайлову, имевшему под своею непосредственною командою трех солдат: Федора Сорокина, Алексея Петухова и Григория Евсюкова, указано было занять пост при казарме № 1, в которой содержался «безымянный колодник». Сменив старый караул, капрал Михайлов прочитал своей команде приказ коменданта Бередникова, «чтобы о имени и о чине того колодника не спрашивать, разговоров с ним никаких не иметь, писем писать ему не давать, от него писем ни каких не принимать и никуда не носить, також никакого хмельного питья не давать». Вследствие этого приказа между загадочным узником и его приставниками на долгое время установились те суровые безмолвные отношения, которые так противны общительному характеру русского человека. Особенно должен был искушать всех несносный обет молчания. Обе стороны скучали и только в исходе шестого месяца протянули, наконец, друг другу руки.

29-го июня, в день тезоименитства великого князя Павла Петровича, «безымянному колоднику» вдруг вздумалось обратиться к капралу Михайлову с просьбою, чтобы он позволил принести к нему, колоднику, вина «для имянинника». Капрал тотчас же сам вышел из крепости и купил кружку вина, «а купив того вина, поднес колоднику, потом выпил сам и наконец дал всем трем солдатам по чарке». Это обстоятельство настолько осмелило караульных, что они решились, наконец, спросить у колодника: «как его зовут и какой он человек?» Тот, не обинуясь, ответил, что «он полковник и кабинетский обер-курьер Иосафат Андреев сын Батурин».

Четырнадцать лет прошло с тех пор, как Батурин был послан от тайной канцелярии «к крепкому содержанию в Шлюшине». Многое изменилось за этот длинный период времени, не изменилось только положение нашего странного московского агитатора. Он продолжал коротать свою несчастную жизнь в тяжком заключении, углубляясь все более и более в беспредельный мир галлюцинаций. В деле имеется весьма отрывочное известие, что в царствование Петра III Батурин был за что-то вновь осужден сенатом на вечную ссылку в Нерчинск в работу, и что доклад об этом был уже утвержден государем, но, после того, тайный секретарь Д. В. Волков в письме к генерал-прокурору Глебову объявил высочайшую волю императора Петра Федоровича, «чтобы оного Батурина в Нерчинск не посылать, а оставить в Шлюшине по-прежнему, с тем еще, чтобы ему давать и лучшее там пропитание». Это единственное и, к сожалению, слишком неопределенное известие о Батурине за все четырнадцать лет его жизни в крепости.

Команда капрала Михайлова, узнав имя и ранг своего колодника, стала обходиться с ним почтительнее прежнего. Солдаты зачастую приходили побеседовать с Батуриным, «також принашивали ему, на данные от него деньги, вина». В откровенной беседе Батурин рассказывал караульным, что

он был «другом и наперсником» государя Петра Федоровича и был у него учителем, что в настоящее время он терпит заключение за верную службу ему, «ибо-де он, Батурин, с товарищами своими, хотел покойную государыню престола лишить и постричь в монастырь, а государя Петра Федоровича возвести на престол».

— Если б ты эдакую услугу Петру Федоровичу показал, — возражали солдаты, — так для чего ж он тебя, пока жив был, отсюда не освободил?

— Врете вы, — отвечал Батурин. — Государь не умер, а жив и поехал гулять, а меня здесь оставил под видом.

— Нет, — возражал капрал Михайлов. — Я сам видел Государя мертвым, и как его погребали».

— Я по планетам знаю, что он жив, и планету его вижу, — уверял Батурин, показывая на небо, — увидите, что он года через два в Россию возвратится.

— Да где ж ныне Государь, знаешь ли ты? — спросил солдат Сорокин.

— Да у меня нет планетника, так я не могу сказать, в котором он месте находится; а когда б был планетник, так бы я сказал и место, где он теперь[19].

В таких беседах незаметно наступал срок новой смены караула Шлиссельбургской крепости. Недели за две до смены, в том же 1767 году или в начале 1768 г., Батурин, воспользовавшись тем, что капрал вышел из казармы, а другие солдаты отправились за дровами, подозвал солдата Сорокина и, держа в руках две бумажки, сказал: «Вот, Сорокин, возьми ты эти две бумажки; маленькую подай Государыне, на дороге или где случай допустит, за что получишь от нее награду, а эту — побольше, подай Петру Федоровичу, как он приедет в Россию и от него ты получишь еще большую награду».

[19] Показание солдата Федора Сорокина на допросе в тайной канцелярии 29 апреля 1769 г.

— Статочное ли дело, — ответил Сорокин, — брать мне от тебя письма; ведь за это я могу пропасть.

— Не бойся, Сорокин, — успокаивал Батурин. — За что, брат, тебе пропасть; злодеи мои все уже померли, а Государыня меня знает; ведь я и ей служил, как и Петру Федоровичу.

Сорокин, после долгих колебаний, наконец согласился передать бумажки по назначению, отчасти вследствие неотвязчивой просьбы Батурина, «а паче польстясь обнадеживанием, что он, конечно, не будет оставлен, если государь возьмет его (Батурина) к себе».

Вот буквальное содержание «бумажки», приготовленной Батуриным для поднесения государыне:

«В 749 году, возвратясь от Троици, станцию имели в Раеве, Ваше Величество ехали на охоту. Тогда я пред Вашим лицем вскричал: дай Бог Вашего любезного супруга видеть в Российских Императорских коронах, при чем в почталионскую трубку затрубил Вам виват. А ныне Вашего Величества Обер-кабинет курьера оставили с верностию в темнице, в оковах. При том же от сущих злодеев нанесено Вам, якобы я наперсник и научальник Государев. Я 18 лет в тюрьме важно (?), и если оная будет правда, тетушка всех приказала освободить; когда бы не были злодеи, то с тех пор освободили».

Другая «бумажка» заключала в себе письмо Батурина к несуществовавшему уже императору Петру III следующего содержания:

«Всероссийский отец Великий Государь Император Петр Федорович! Один от верных и первых рабов Ваших, который, не пощадя живота своего за Ваше Величество и корону Вашу, по любви преданной от младенчества к Великому Петру, а по нем к Вашему Величеству, ревнуя по истинному наследству Вашему, о чем Ваше Величество довольно знать соизволите.

Доныне обретаюсь в Шлиссельбурге, под крепким караулом, в ручных и ножных железах, в несносном заключении восемнадцать лет. Так за Ваше Величество и корону Вашу терплю и уповаю, ежели бы мне не помогла моя наука, которая мне в светлые ночи великую приносила радость, когда я смотря на планету Вашу, горесть свою забывал и в животе Вашем дражайшем быть несомненно полагал, о чем все караульные засвидетельствовать могут. Ужели ли всесмятения Ваше Величество усмирили! Зачем бедного забыли? Возьми, возьми великий Монарх меня пред себя как можно скорее! Не дай мне пасть в отчаянии! Дай мне себя, дражайший мой великий Монарх, видеть и с воскресением поздравить! Не дай возрадоваться врагам своим о мне верном рабе твоем, что без голодно в темнице уморили! Возьмите меня скорей пред лице свое, да потребятся враги Ваши рукою моею! Когда ж оставите меня — сам Бог Вас оставит. Желал бы от Бога в сем мире тишины и благополучия. Вверьте мне свое здоровье оппробованному рабу, а не другим. Я не отрекся за Вас умереть и кровь пролить. Уповаю, что Вы при себе такого ныне не имеете. Словами все скажут, что положат живот свой за Ваше Величество, а на деле и практике никто себя так не окажет, как я, бедный, который оставил жену, сына и двух дочерей в младенчестве сиротить, уморил от печали жену свою, навел плач матери и сестре ругательства; терплю с бедными от фамилии моей, которые от меня отрекаются. Колико претерпел голоду, холоду и все сие для короны Вашего Величества! Верь, верь, монарх мой великий, нет тебе меня вернее! Да любит меня столько Бог, колико я Вас люблю. Когда вы оставите меня, Бог меня за любовь не оставит: Иоан. 15, несть любви тоя, боле да кто за другого положит душу свою.

Вашего Величества раб первый, верный полковник и обер-кабинет-курьер Иосафат Батурин, милосердия ожидаю».

1768 февраля « » дня
Шлиссельбург.

Солдат Сорокин, по возвращении в Петербург, долго скрывал от всех полученные от Батурина письма. Он тщательно хранил их при себе и уже начинал тяготиться навязанною ему тайною. Понятна радость Сорокина, когда он, на святках 1768 года, встретил своего старого сослуживца по Смоленскому пехотному полку и «названного брата», солдата Петра Ушакова. Он мог наконец отвести душу в беседе с близким человеком.

Зайдя как-то к Ушакову на квартиру, Сорокин, немного посидев, вынул из кармана два заветные письма и сказал: «Я, братец, был в Шлюшине у одного колодника, который называет себя полковником и кабинетским обер-курьером Иосафатом Андреевичем Батуриным. Однажды, незадолго до смены, он дал мне две бумажки и просил, чтобы я одну из них, маленькую, подал Государыне, а другую, большую, Петру Федоровичу, обнадеживая, что мне будет за это великое награждение. Вот, братец, прочти-ка эти бумажки, так увидишь, что в них написано». С этими словами Сорокин передал Ушакову оба письма. Тот развернул сперва большую бумажку и тотчас же заметил: «Что, брат, это написано к Государю! Ведь он давно уже умер; ведь ты, брат, помнишь, еще мы были в походе, так там это было уже известно, что он подлинно умер».

— Нет, брат, — возразил Сорокин, — Батурин знает планеты и он, смотря в окошко из казармы на небо, указывал государеву планету и сказывал, что он жив и теперь гуляет, а через год или два сюда приедет.

— Бог знает, только правда ли это? — недоумевал Ушаков. — Однакож об этом покамест говорить не следует. Надобно улучить время, подать письмо Государыне.

— Ну, братец, так возьми эти бумажки к себе и, коли можно будет, маленькую-то бумажку подай Государыне, а большую держи, до времени, при себе.

— Государыне-то подать разве где на дороге, — говорил Ушаков, кладя обе бумажки к себе в карман[20].

Спустя несколько месяцев после описанного интимного разговора в квартире солдата Ушакова тайна, сдружившая еще теснее двух старых приятелей, вышла наружу и при самых обыкновенных обстоятельствах.

В одну злополучную апрельскую ночь 1769 года Ушаков и Сорокин пришли «в пьяном образе» к ефрейтору инвалидной роты 3-го Петербургского пограничного баталиона Анисиму Голикову и начали, неизвестно за что, бить его «без милости». К счастью Голикова, явился дежурный капрал. Сорокин успел убежать, а Ушаков был взят под караул и немедленно наказан батогами за буйство. На другой день ефрейтор Голиков, «с багровыми знаками на лице и подбитыми глазами», явился к батальонному командиру премьер-майору Карлу Неймчу и, донеся ему о ночном нападении Ушакова и Сорокина, представил два известные уже читателям письма, оброненные «во время боя» солдатом Ушаковым, а также найденную у него при обыске на квартире «тетрадку, писанную молитвами в противность церкви греческого исповедания». Премьер-майор Неймч в рапорте от 28 апреля 1769 г. за № 250, донеся о случившемся в С.-Петербургскую обер-комендантскую канцелярию, при чем препроводил также представленные Голиковым письма и тетрадку. Узнав же от Ушакова, что письма те он получил от Сорокина, приказал немедленно разыскать последнего и «для наилучшего рассмотрения» отправил обоих, с надлежащим караулом, в ту же комендантскую канцелярию.

Завязалась переписка. Комендантская канцелярия потребовала от Неймча сведений о службе и поведении обоих присланных туда солдат. Неймч в рапорте от 29 того же

[20] Показание солдата Петра Ушакова на допросе в тайной канцелярии 29 апреля 1769 г.

апреля за № 253 донес, что солдаты Федор Сорокин и Петр Ушаков определены в 3-й пограничный батальон из Смоленского пехотного полка, первый 8 декабря 1766 г., а второй 25 октября 1768 г., что в присланных из полка формулярных списках никаких штрафов за ними не показано, что Сорокин в 1767 находился в Петербурге, в 1768 году в Шлиссельбургской крепости на карауле, по смене же оттуда состоял «в Кабинетском доме», а Ушаков, с определения в батальон, нигде в отлучках не бывал. К сему Неймч присовокупил, что «о лучшем помянутых солдат состоянии и жизни, особливо об Ушакове, за недовольным его определением, також и о Сорокине, за невсегдашнем при батальоне бытием, обстоятельно знать не можно».

Затем все дело передано было, по обычному порядку, к генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому.

Читатели уже знакомы с показаниями, данными на допросах в тайной канцелярии солдатами Сорокиным и Ушаковым. Остается только прибавить, что и Сорокин, и Ушаков сами приложили руки к своим показаниям, следовательно, оба были грамотны. Первый из них взят в службу «из боярских детей», а Ушаков, как он сам показал на допросе, «был напред сего (т. е. службы) Сибирской губернии из рейтарских детей копеистом в шталмейстерской конторе, откуда, за маленькую кражу и за пьянство, написан в солдаты». Ушаков во всем подтвердил показание Сорокина и объяснил, что он взял от него Батуринские письма и никому не объявил о них, во-первых, из сожаления к Сорокину, во-вторых, сам боялся наказания, и, в-третьих, потому что по простоте своей думал, что если одно из писем подаст государыне, а другое государю, то будет награжден за это». Относительно же тетрадки, найденной у него в квартире, показал следующее: «Чья оная тетрадка и кем писана — не знает и никогда оная в руках у него не бывала, а как у хозяина его много стояльцев стаивало и дьячки и разных чинов люди, то

разве не их ли? Или не хозяйская ли? Однако же хозяин грамоте не умеет».

Кроме Сорокина и Ушакова, был допрошен также и знакомый нам капрал Василий Михайлов. Он также подтвердил во всем показание Сорокина и только прибавил, что в первое время по прибытии на караул в Шлюссельбург он не видел у колодника Батурина ни чернил, ни бумаги, но потом, заметив у него «книгу бумажную, сшитую в тетрадку, например, пальца в два», он спросил Батурина: откуда он взял эту книжку? На что тот ответил, что он сам написал ее здесь в казарме.

— Да кто тебе дал чернил и бумагу?

— Я-де давно пишу ее, — отвечал Батурин, — и мне-де еще прежние караульные позволили писать. Да коли-де хочешь, так прочти, в ней ведь ничего худого не написано. Михайлов прочитал книгу и нашел, что в ней «подлинно другого ничего не писано, как только поучение, как должно жить христианину, также и о том, как помещикам поступать с крестьянами». Книга эта, по словам Михайлова, была написана «не очень хорошо», а потому он собственноручно переписал из нее несколько листов и отдал Батурину.

В заключение приведем определение по настоящему делу генерал-прокурора, на коем собственною рукою императрицы Екатерины написано: «Быть по сему».

«1769 года Мая 17 дня Генерал-Прокурор князь Вяземский, во исполнение Всевысочайшего Ее Императорского Величества соизволения о содержавшемся в Шлиссельбургской крепости колоднике Иосафате Батурине, да о присланных к нему, Генерал-Прокурору, из С.-Петербургской Обер-Комендантской Канцелярии, С.-Петербургского пограничного третьего батальона солдатах Федоре Сорокине и Петре Ушакове, приказал: 1) Означенный Батурин за учиненные им при жизни блаженные и вечно-достойные памяти Государыни императрицы Елисаветы Петровны важные

преступления, как бунтовщик и возмутитель, по законам достоин был казни, но оной ему не учинено, сколько из существа преступления видно, не инаково как оставлено ему было время о том содеянном им зле на покаяние и, после бывших ему розысков, послан был к содержанию, под крепким караулом, в Шлиссельбургскую крепость. Но оный Батурин, как склонный ко всякому злу человек, и тамо будучи, не только о том содеянном зле не раскаивался, но еще то свое столь мерзкое и тяжкое преступление поставлял себе в выслугу и не устрашился установленных государственных законов, то свое преступление разглашал бывшим у него на карауле капралу и солдатам; а сверх сего, тех капрала и солдат, как малосмысленных, бесстрашно и без угрызения совести своей, вымышленно уловляя, уверял, что якобы покойный Государь жив и гуляет, а чрез два года сюда возвратится; чему те по слабости разума своего, некоторым образом, и поверили; что доказывается тем, что он, Батурин, и письмо как прямо к живому Государю написав, солдату Сорокину отдал, в коем учиненные свои преступления точно изъяснял своею выслугою, а при том именовал себя полковником и кабинетским обер-курьером, чем никогда он не бывал. И тако, по силе его ныне учиненным злым вымыслам, заслуживает он, Батурин, по законам, тяжкое наказание, но поелику сие ныне учиненное им преступление от него произошло как уже от человека, доведшего себя по своим преступлениям до самого отчаяния, то кажется теперь никакое тяжкое наказание наполненного злым его нрава поправить не может, и сего ради, а тем более из единого Ее императорского Величества милосердия, наказания ему, Батурину, не чинить. А дабы от него впредь таких вредных и ложных разглашений по близости столиц Ее императорского Величества не происходило, а чрез то б не могли и караульные при нем солдаты подвергать себя злосчастным по своему малодушию жре-

биям (как то ныне уже и последовало), чтобы он, Батурин, сколько ни есть о содеянных им злодеяниях хотя при конце жизни своей в раскаяние пришел, послать его в Большерецкой острог вечно. Пропитание ж ему там иметь работою своею, а притом накрепко за ним смотреть, чтоб он оттуда уйти не мог; однакоже и тамо никаким его доносам, а не меньше и разглашениям никому не верить. 2) Солдат Сорокин за то, что он, презря читанный ему о содержании оного Батурина полковника Бередникова приказ, содержал его совсем в противность оного и обходился с ним не так как с государственным преступником поступать было должно и велено, но еще паче всего, давал ложным такого преступника разглашениям веру, а наконец, взяв от него письма, отдал солдату Ушакову; при отдаче же тех писем делал оному Ушакову презрительные и вымышленные (хотя и по словам Батурина) свои уверения, чего было ему, Сорокину, как человеку обязанному в верной Ее Императорскому Величеству службе присягою, чинить не подлежало, а должно ему было, если б паче чаяния и капрал стал поступать с тем Батуриным в противность отданного приказа, то и в таком случае, как о сем, так и о ложном тем Батуриным, якобы покойный Государь жив, разглашении объявить полковнику Бередникову; но он, Сорокин, не только сего должного ему поступать не сделал, но еще, как выше сказано, все того Батурина повеления охотно исполнял. По установленным законам, Сорокин достоин тяжкому наказанию и вечной в работу ссылке, но поелику из обстоятельств дела видно, что он все сии противу должности своей преступления учинил единственно по обольщению показанного Батурина, из одного, кажется, малоразумия, то в рассуждение сего, равно что он в сем своем преступлении без всякого наказания добровольно признался, от наказания и ссылки его, Сорокина, избавить; а дабы однакож сие его преступление без штрафа оставлено не было и о слышанных им от Батурина ложных

и вымышленных словах разглашаемо здесь быть не могло, то определить его, Сорокина, в Тобольский гарнизон в солдаты вечно; оттуда его в Москву и в С.- Петербург не посылать и не отпускать, так и в отставку его не отставлять. 3) Солдат Ушаков за то, что, получа от Сорокина объявленные по делу письма, писанные Батуриным, и увидя, что они совсем вымышленные, да и написаны содержащимся колодником, оных не только командиру своему не объявил, но еще зная верно, что покойный Государь давно умер, пустому и ложному разглашению и уверению солдата Сорокина поверил и нигде о том на него не объявил, а наконец и взяв те письма, искал случая одно из оных подать Ее Императорскому Величеству, а другое, как бы подлинно покойный Государь жив был, подать ему, достоин наказанию, но как сие его преступление, сколько из дела видно, произошло также от легкомыслия, по обольщенным словам Батурина, то сего ради и что он, Ушаков, в сем учиненном им преступлении признался без всякого запирательства, да и по допросу его того, чтоб он сии слова кому либо показывал или разглашал, не открылось, от наказания его, Ушакова, избавить. Однакож, чтоб и от него о слышанных им от Сорокина словах разглашаемо здесь не было, то определить его в Архангелогородский гарнизон, откуда и его, так же, как и Сорокина, не отлучать. 4) Что же означенный Сорокин показал, что-де с Батуриным таким же образом, как и он, в противность отданного приказа, поступали капрал и двое солдат, а капрал-де писал обще с Батурином книгу, а по сему хотя бы и надлежало об оном исследовать, но как по смене их прошло довольное время, а никакого от тех капрала и солдат здесь разглашения до сего времени слышно не было, то сего ради об оном ныне следствия не производить; однакож, на будущее время, взять от батальона известие, какого оные капрал и солдаты поведения, и не были-ль они прежде того караула, так как и по смене с оного, в каких предерзостях,

и что по тому известию окажется, тогда можно будет сделать секретно за их поступками примечание. 5) Из допросов оказалось, что Батурин в казарме писал книгу, а потому чаятельно, что иногда оная и ныне у него есть, то полковнику Бередникову отписать, чтоб он Батурина, равно и в казарме, сам как возможно везде обыскал, нет ли у него сверх показанной книги, других каких писем и буде он найдет, то б не читая оных, запечатав, прислал к нему, Генерал-прокурору, немедленно. 6) Что ж касается до присланной из комендантской Канцелярии заговорной тетрадишки, которая в самом деле наполнена самыми пустыми, сумасбродными словами, как оная достойна по самому разуму существу презрения, то об оной, чья она подлинно доискиваться нужды дальнейшей не настоит, чего ради более об оной не следовать, но сжечь».

По этому определению Батурин 14 ноября 1769 года был отправлен из Шлиссельбурга на почтовой подводе, за караулом унтер-офицера и трех солдат сенатской роты, сперва в Москву, к генерал-фельдмаршалу графу Салтыкову, оттуда препровожден, при письме князя Вяземского на имя Тобольского губернатора, в город Тобольск и далее в Охотск, откуда только в июле 1770 года он был послан к месту вечного своего заключения — в Камчатский Большерецкий острог.

Дальнейшая судьба Батурина известна. В 1771 году он принял самое деятельное участие в бунте Бениовского и его отважном плавании по Тихому Океану. Мы надеемся представить подробный рассказ об этом любопытном и недостаточно разъясненном эпизоде. Покамест скажем только, что Батурин был убит в августе 1771 года на острове Формозе, при нападении шайки Бениовского на одно китайское селение.

Александр Барсуков.

В своей книге «Встречь солнцу» я также, на материалах Государственного архива древних актов (ЦГАДА) пытался понять первопричину этого заговора, но ни Барсукову, ни мне тогда не удалось извлечь из того материала, который мы имели, первооснову.

Получалось, что Иосафат Андреевич Батурин, закончив Шляхетский корпус и не получив серьезного продвижения по службе, как многие из его сокурсников, ставших к тому времени штаб- и обер-офицерами, а то и генералами, затаил обиду на весь мир и решил изменить этот мир в свою пользу, совершив дворцовый переворот, казнив Алексея Разумовского, свергнув незаконную императрицу Елизавету и утвердив на российском троне царя Петра Федоровича.

Судя по материалам, которыми в то время была переполнена Тайная канцелярия, мысль о том, чтобы «провернуть» новый дворцовый переворот и сделать таким образом себе карьеру, была в головах многих русских людей, на глазах которых гвардия то возносила на русский трон Мавру Скавронскую, то свергала светлейшего князя Меншикова, то делала императрицей Анну Иоанновну, то упекала в Сибирь поочередно Бирона, потом Миниха, свергнувшего Бирона, потом и самого Миниха вместе с Брауншвейгским семейством и законным императором Иоанном Антоновичем…

Поэтому вопрос о том, возможен ли был новый дворцовый переворот во время правления императрицы Елизаветы Петровны, был вопросом риторическим. И первыми на него ответили сосланные на Камчатку Квашнин, Сновидов, Турчанинов.

Кстати, Петр Владимирович Долгоруков в своих «Записках» вспоминал о некоем капитане Калачеве, который обвинил генерал-прокурора Трубецкого в том, что он не генерал-прокурор, а генерал-вор.

Капитан Калачев был довольно любопытной фигурой того времени.

Он появляется в истории, когда царь Петр I решает провозгласить свою жену-простолюдинку Мавру Скавронскую императрицей Екатериной I.

15 ноября 1723 года царь Петр I совершил второе после убийства сына Алексея Петровича государственное преступление, отразившееся на всей последующей истории государства.

И если в первом случае он уничтожил вместе с сыном традицию престолонаследия в России, и страна обречена была теперь постоянно жить в Смутном времени борьбы за власть опричников из «гнезда Петрова» и его бесчисленных потомков, то во втором случае коронацией императрицы Екатерины I открывалась в России эпоха женского царства с бесконечными любовниками-временщиками на высших государственных постах.

Петр I писал в манифесте: «*…И понеже ведомо есть, что в прошедшей двадцатиединолетней войне коль тяжкие труды и самый смертный страх отложа собственной нашей персоне, за Отечество наше полагали, что с помощью Божией и окончили, что еще Россия так честного и прибыточного мира не видала и во всех делах славы так никогда не имела, в которых вышеописанных наших трудах наша любезнейшая супруга государыня императрица Екатерина великой помощницею была, и не точию в сем, но и во многих воинских действах, отложа немочь женскую, волею с нами присутствовала и, елико возможно, вспомогала, а наипаче в прутской кампании с турки, почитай отчаянном времени как мужески, а не женски поступала, о том ведомо всей нашей армии и от них несумненно всему государству: того ради данною нам от Бога самовластию за такие супруги нашей труды коронациею короны почтить, еже Богу извольну, нынешней зимы в Москве иметь совершено быть*».

И вот как готовились к этой коронации и как на свет Истории появился некий Калачев.

«Самому короноваться императорской короной Петр, венчанный на царство, не пожелал, и, коронуя Екатерину, он этим как бы указывал вперед на своего преемника. К числу забот Петра обставить предстоящую коронацию возможным великолепием должно отнести и учреждение драбантов, или кавалергардов (Драбанты (чеш. drabant, нем. Trabant) — старинное наименование телохранителей при правительствующих особах; кавалергарды (от фр. cavalier — всадник и garde — охрана) — почетная стража лиц императорской фамилии в особо торжественных случаях). 31 марта 1724 г. явился в государственную Военную коллегию "господин генерал-майор Лефорт и объявил, что вчерашнего числа был он у Его Императорского Величества в доме на бывшем головинском дворе, где Его Императорское Величество изволили ему повелеть выбрать из обретающихся в Москве из армейских и из заполошных (заштатных) офицеров, которые ныне в Москве, в драбанты 60 человек, а кому над оными команду иметь, о том впредь прислан будет в Военную коллегию Его Императорского Величества указ".

Ровно через две недели драбанты были набраны. 14 апреля "был смотр офицерам от капитана до прапорщика армейских и гарнизонных полков, из которых выбрано 60 человек в драбанты". В тот же день Толстой промеморией (докладной запиской) уведомил Военную коллегию: "По Его Императорского Величества указу приготовлено на 60 человек драбантов платья 60 кафтанов да 60 красных верхних накладных кафтанов же с гербами по обе стороны и штаны; и сим требуется, чтоб то на драбантов платье в Военную коллегию принять и велеть определенным драбантам надеть и примерить, и ежели которым из них будет коротко или узко и оные б драбанты о том объявили, и то будет поправлено. И государственной Военной коллегии учинить о сем

по Его Императорского Величества указу" (В свое время при написании полковой истории использовались многочисленные источники, включавшие архивные материалы, различные публикации, воспоминания современников и пр., которые цитировались, как указывалось в первом издании книги, "из дошедших до нас документов").

Во исполнение промемории того же, 14 апреля Военная коллегия постановила отправить драбантов к действительному тайному советнику Толстому с асессором Военной коллегии Хлоповым (Асессор (лат. assessor — заседатель) — в России должность военного, штатского или придворного чиновника). Но на другой день ей было объявлено "предложение" князя Меншикова, что по указу Ее Величества государыни императрицы выбранных из офицеров в драбанты повелено ведать и убирать его светлости», а потому Меншиков требовал присылки их к нему в слободской дворец с бригадиром Леонтьевым. 16 апреля Леонтьев объявляет Военной коллегии от имени Меншикова об определении к выбранным из офицеров в драбанты «трех подполковников, трех майоров; при том же быть ему, господину бригадиру, да полковнику Загряжскому».

Несмотря на скудость дошедших до нас материалов, несомненно можно утверждать, что драбанты послужили поводом к раздорам между ближайшими к Петру и Екатерине вельможами. Мы видели, что распоряжение Военной коллегии об отсылке драбантов в распоряжение Толстого — верховного маршала коронации — отменяется словесным указом Екатерины, объявленным Меншиковым. Меншиков же делает смотр драбантам и назначает Леонтьева и Загряжского в кавалергарды. 5 мая, т. е. за два дня до коронации, Меншиков лично объявляет коллегии распоряжение ***«в Москве публиковать чрез офицеров с военной музыкою, что коронование Ее Императорского Величества всемилостивейшей государыни императрицы Екатерины Алексеевны***

имеет быть на сей неделе, в четверток, т. с. 7 числа сего мая; и притом его светлость объявил, что для офицеров к тому действию (из тех), кои выбраны в кавалергарды, чтоб выбрать человек 10».

Но вслед за сим является в Военную коллегию тот же бригадир Леонтьев и объявляет, ***«что генерал-лейтенант господин Ягужинский предложил ему донести генерал-фельдмаршалу его светлости князю Меншикову, чтобы кавалергардии для публикации о коронации Ее Величества государыни императрицы не посылать».*** В происходившей борьбе на этот раз не Меншиков взял верх. Он даже не попал в число кавалергардов. Во главе кавалергардии поставлен другой любимец Петра — генерал-прокурор, генерал-лейтенант Павел Иванович Ягужинский. Офицерами в кавалергардию назначены: поручиком — генерал-майор Иван Ильич Дмитриев-Мамонов, женатый морганатическим браком на младшей дочери царя Иоанна Алексеевича, царевне Прасковье, подпоручиком — бригадир Михаил Иванович Леонтьев, двоюродный племянник царицы Натальи Кирилловны, и прапорщиком — полковник князь Семен Федорович Мещерский.

Всех кавалергардов было 71: 4 офицера, 60 кавалергардов комплектных, 4 запасных, 1 литаврщик и 2 трубача; последние трое из нижних чинов. Современники, описывая кавалергардию, согласно утверждают, что в кавалергарды «люди были выбраны из всей армии самые великорослые и видные». Обмундирование их, сделанное под наблюдением верховного маршала коронации Толстого, поражало всех своею красотою и богатством. Снабжение кавалергардии лошадьми было произведено при помощи реквизиции: 21 и 22 апреля были вытребованы к князю Меншикову от всего московского купечества, русского и иностранного, верховые и упряжные лошади, и самые красивые и рослые из них назначены под драбантов. По прошествии нескольких дней

чужестранное купечество было освобождено от этой временной повинности, и взамен этого недоставшие лошади были выставлены русскими сановниками. Масть лошадей была вороная.

Поутру 7 мая обе гвардии Его Императорского Величества и прочие батальоны пришли в Кремль и поставлены были на площади Ивановской… А от самых апартаментов императорских, ***«как вверху и по большому крыльцу, называемому Красным, и по мосту, который от того крыльца до церкви соборной сделан был, поставлены были по обеим сторонам гренадеры от гвардии»***, т. е. гренадерские роты Преображенского и Семеновского полков. В 10-м часу началось шествие в собор. Его открывала ***«половина кавалергардии императорской с офицерами оной напереди».*** Вероятно, кавалергарды шли по три в ряд, с карабинами на левом плече.

За ними следовали пажи, депутаты из провинций, генералитет, далее несли регалии (мантию, скипетр, державу и корону). За регалиями, имея перед собою верховного маршала, шел император со своими двумя ассистентами — князьями Меншиковым и Репниным. Петр был ***«в летнем кафтане небесно-голубого цвета, богато вышитом серебром, в красных шелковых чулках и в шляпе с белым пером».*** За императором шествовала Екатерина ***«в богатейшей робе»,*** сделанной на испанский манер, и в головном уборе, усыпанном драгоценными каменьями и жемчугом. Платье на ней было из пурпуровой материи с богатым и великолепным шитьем. Императрицу вел герцог Голштинский; поддерживали ее ассистенты, графы Апраксин и Головин; шлейф мантии несли пять дам ***«первейшего рангу».*** За императрицей следовали фрейлины и придворные дамы, а ***«потом шли полковники, офицеры и прочая шляхта национальная, которые определены были в сей церемонии». Шествие замыкала «другая половина кавалергардии императорской».***

Встреченные на рундуке Успенского собора духовенством, император и императрица, в предшествии его и при пении псалма ***«Милость и суд воспою тебе, Господи»,*** направились к устроенному посреди собора трону. ***«Ожидая, пока Их Императорские Величества на трон взошли,***

господин генерал-поручик Ягужинский, яко капитан императорской кавалергардии, також и господин генерал-майор Дмитриев-Мамонов, той же кавалергардии поручик, стали по обеим сторонам входа большого приступа на троне для сбережения оного; другие два господина командующие офицеры той кавалергардии, бригадир Леонтьев и полковник Мещерский, стали по обеим сторонам среднего приступа, между всходом на трон, все четыре с посохами команды своей в руках».

Так описывается первое появление кавалергардов в России. Сформированные для первой коронации, кавалергарды с тех пор сохранили свое первоначальное назначение: с одной стороны — служить почетной охраной коронационному шествию, с другой — выставлять своих офицеров часовыми на ступенях трона во время священных коронования и миропомазания наших царей *(«Начало регулярной армии: время Петра Великого»[21])*.

Первый состав кавалергардов был сразу же распушен после коронации, и к следующей коронации нового императора был набран совсем другой состав.

Так вот, Петр Михайлович Калачев был как раз в самом первом составе отечественных кавалергардов.

В «Сборнике биографий кавалергардов» ему посвящена отдельная статья:

«Петр Михайлович Калачев, 1685 — сын стряпчего Михаила Федоровича, в 1702 г. "написан из недорослей по жилецкому списку" и в 1703 г. "написан в Большой полк", но вслед за сим, по новому смотру, "написан в кадеты" и был в учении у подполк. Федора Хрущева; из кадет "отослан был в ученье" к полк. Кн. Ив. Ив. Львову; в том же году, 17 Марта, отослан был в Разряд, а в 1705 году "по наряду был с ближним окольничим Петр. Матв. Апраксиным в Новгороде". В 1706 году молодой Калачев опять отдан

[21] Государственная публичная историческая библиотека, 2014.

в "ученье" полковнику Прох. Вас. Григорову. В 1706 г. Петр В. Повелел думному дьяку Автаному Ив. Иванову сформировать новый драгунский полк под именем "Азовского", при чем Иванову дано было право брать в Азовский полк в офицеры из молодых людей, находившихся в учении у Григорова. В числе взятых был и Калачев, но они не прямо попали в офицеры, а находились еще некоторое время "в учении" у подполк. Вас. Кондр. Павлова, а затем "по определению" дьяка Иванова "написаны в прапорщики".

В 1708 г. Калачев "послан" в поход с майором гвардии кн. Вас. Влад. Долгоруковым и последним в том же году "написан" в Неклюдов полк. В 1709 г. Калачев во время Полтавской битвы находился в отряде Айгустова, а "по баталии" был пожалован в подпоручики в гренадерский Ренцелев полк. В рядах этого полка Калачев в 1710 г. был под Ригою, а в 1711 г. "на Турецкой линии". В 1712 г. Калачев произведен в поручики и "указом Царского Величества взят и посылан за моря". Сколько времени "за морями" (в Голландии) находился Калачев, неизвестно, но в 1716 г. он был в Петербурге на "генеральном смотру" и назначен в Ингерманландский пех. полк, с которым в том же 1716 г. был в Финляндии; в 1719 г. на галерном флоте с ген. — адм. Апраксиным на шведской стороне, при чем "был в командировании в Норкопине и в других командах неотлучно". В 1724 г. Калачев, состоя в том же Ингерманландском полку, был взят на время коронования Императрицы в Кавалергардию кавалергардом, а в 1725 г. произведен в капитаны с переводом в Азавский пех. полк, в котором и служил по 1731 г., когда за болезнию уволен от военной службы и отправлен в Герольдмейстерскую контору для определения к статским делам. В том же году Калачев был назначен "к межевым делам", а в ноябре — в Сибирский приказ. В 1739 г. он был "у следствия о похищенном из магазейна провианта в Вышнем Волочке".

В сказке 1721 г. Калачев показал, что имеет 40 дворов в уездах: Юрьевско-Польском (с. Шегодское, где он и жил), Чернском и Курмышском, а также "двор" в Москве, в приходе ц. Никиты Мученика в Старо-Басманной слободе.

В бумагах Тайной Канцелярии за 1740 г. хранится дело об отставном капитане Азовского пехотного полка Петре Калачеве, "сужденном за выражения против Императора Иоанна VI Антоновича и за сочувствие к Цесаревне Елисавете Петровне".

18 Ноября 1740 г. было подано на имя малолетнего Императора "донесение" лейб-гвардии Преображенского полка 16 роты солдата Василия Кудаева на дядю его, отставного капитана Петра Калачева, который в тот же день в Тайной канцелярии в присутствии Ушакова "спрашиван обстоятельно". Из доноса Кудаева и из розысков Тайной канцелярии выяснилось, что Калачев высказывал свои сожаления по поводу того, что Цесаревна не приняла престола, и заявлялось: "Пропала де наша Россия, чего ради Государыня Цесаревна Российский престол не приняла и нас не развяжет, все де об этом гребтят". На вопрос Калачева, где бы можно видеть Цесаревну, дабы обо всем донести, Кудаев ответил, что не знает, но что "весь де Преображенский полк желал быть наследницею Государыне Цесаревне, а что де наша шестая-надесять рота также того желала, в чем он Кудаев, готов на смерть подписаться". Кудаев, очевидно, намекал на то, что лучше всего обратиться к Преображенскому полку, наиболее преданному Цесаревне, как дочери Петра I, который скорее всего поддержит Цесаревну. Далее из показаний Калачева и Кудаева видно, что Калачев выразил Кудаеву свое желание видеть Цесаревну, чтобы обо всех донести, при чем первый говорил: "Как я буду представлен Государыне Цесаревне и донесу, для чего Ея Высочество наследством обойдена, чья она дщерь; ежели ей будет угодно — прикажет Калачеву идти

в Сенат — он пойдет и будет говорить о том сенаторам. А не угодно будет — то неужели Ея Высочество своими руками выдаст его, Калачева, а выдаст — то будет ей суд на том свете. Все сии вышеприведенные разговоры происходили без всякого злого умысла, но от одного своего сожаления, вспомня славные дела Императора Великого".

Относительно правильности престолонаследия не один Калачев высказывал, что "хотя де у многих сумнительство, да все Божеская воля сделала". Но далее откровенно выражается общая мысль, общий голос русского народа относительно вероисповедания Императорской семьи: "Чего ради публично не сделали, что де еще крещен или нет Его Императорское Величество? О том мы не сведомы. А надо бы было сделать, чтобы всяк видел, принести в церковь соборную Петра и Павла да окрестить, дабы народу было не сумнительно". Попутно Калачев высказывает мнение большинства тогдашнего русского общества, что "генералитет" и вообще все близко стоявшие ко двору "все воры, и что интерес многие похищают". Далее Калачев в разговоре с Кудаевым по поводу слов последнего о смерти короля Фридриха шведского и о том обстоятельстве, что племянник Цесаревны, герцог Голштинский, коронован в Швеции, выразился так: "Тут беды ожидай; небось к нему много будет от нас утеклепов, против его кто будет драться — внука Государева". На очной ставке с Егуновым и Кудаевым Калачев опять повторяет все то же общее мнение относительно преимуществ прав Цесаревны Елисаветы Петровны на престол: "А слова о Ея Императорском Высочестве Великой Государыне Княгине (т. е. Анне Леопольдовне), чья она дочь, — Калачев говорил, толкуя о родителе Ея, Его Высочестве герцоге Мекленбург-Шверинском, — и в той силе, что де Его Высочество с Ея Высочеством Благоверною Государынею Цесаревною и Великою Княжною Екатериною Иоанновною

жил несогласно, понеже он ее не любил, а она де Государыня Цесаревна Монаршеская дочь", и далее: "Коли бы уже знали, что Ея Высочество Государыня Цесаревна Елисавета Петровна наследства не примет, то быть Императрицею Ея Императорскому Высочеству Государыне Великой Княгине Анне". По приговору Тайной Канцелярии 17 Февраля 1741 г. Калачев был послан в ссылку в Камчатку; 16 Апреля он доставлен в Тобольск и немедленно отправлен далее в Якутск с указом из Сибирской губернской канцелярии Якутской воеводской канцелярии отправить Калачева в Камчатку.

25 ноября 1741 г. воцарилась Елисавета Петровна, а уже 4 декабря 1741 г. последовал указ об освобождении капитана Калачева.

2 декабря 1742 г. последовал указ Сенату: "Всемилостивейше пожаловали мы капитана Петра Калачева за показанные нам верные службы (за которые он в правление принцессы Анны послан был в ссылку Февраля 11 дня 1741 г., а потом по указу Нашему, Декабря 4 дня того ж года из той ссылки освобожден) в майоры армейские, и быть ему в отставке и никуда его к делам без Нашего указа не определять, а в награждение выдать из статс-конторы пятьсот рублей".

1743 года, Апреля 21 дня "отставного капитана Петра Калачева шпага, эфес серебряный, и при ней портупея, которая с него снята при взятии в 1740 г., Ноября 18 дня в арест, из Тайной Канцелярии ему, Калачеву, отдана" *(Е. Шишмарева).*

Авторы «Повседневной жизни Тайной канцелярии» Игорь Курукин и Елена Николаева отыскали в архивах интересные подробности:

«Сего октября 16 числа 1740 году капитан Петр Михайлов сын Калачов, который мне по родству двоюродный дядя, помянутого числа посылал ко мне человека своего,

Егора Акинфиева, звать меня к себе обедать», — так начинался пространный донос, в котором рядовой преображенец Василий Кудаев подробнейшим образом описал, как его родственник желал попасть к цесаревне Елизавете и убедить ее «принять» российский престол: «Вся наша Россия разорилась, что со стороны владеют!» Распалившийся ветеран помянул еще одного — голштинского — потомка Петра I и вошел в такой раж, что Кудаев даже не решился воспроизвести его речи в доносе: «Калачов многие богомерзкие слова говорил; уже я, нижайший, не помню — во мне все уды** *(члены. — И. К., Е. Н.)* **тряслись». Не надеясь на собственную память, доносчик в конце подстраховался: «И больше не упомню, что писать, а ежели и припамятую, то по присяжной должности готов и говорить и умереть в том». За верноподданническое рвение солдат был произведен в капралы и получил «на бедность» 50 рублей; его дядя отправился на Камчатку, а по возвращении вновь угодил в Тайную канцелярию. *(См.: Арсеньев А. В. Непристойные речи (из дел Преображенского приказа и Тайной канцелярии XVIII в.) // ИВ. 1897. № 8. С. 377–388; РГАДА. Ф. 7. Оп. 1. № 266. Ч. 28. Л. 79.)***».**

А вот и главные причины, почему он снова угодил в Тайную канцелярию (объявление Трубецкого вором на самом деле — это всего лишь эпизод): ***«Недовольство проявляли даже искренние сторонники бывшей опальной цесаревны. Сосланный при Бироне за выражение сочувствия к правам Елизаветы капитан Петр Калачов по возвращении из Сибири был пожалован в майоры и отставлен «с денежным награждением», однако таким обращением был не удовлетворен и затеял тяжбу о возвращении своих якобы незаконно отчужденных «деревень», в ходе которой четыре раза подавал «доклады» императрице.***

Майор не только желал вернуть свои давно заложенные и не выкупленные в срок имения, но был искренне

убежден, что Елизавета «возведена на российский престол через ево, Калачова, первого». Поэтому, считал он, его семье уместно быть «при дворе», а ему самому государыня могла бы «поручить в смотрение табашной и питейный сборы» по всей стране. В своем «бессовестном неудовольствии» верноподданный майор грозил императрице «бунтом», советовал ей отпустить свергнутого Ивана Антоновича с отцом за границу и сетовал, что ранее «такова в государстве разорения и неправосудия не бывало» из-за «воров» и «изменников», к числу которых относил весь Сенат вместе с генерал-прокурором, вице-канцлера М. И. Воронцова и многих других высших чиновников».

Но мы вспоминаем здесь капитана Калачева не только потому, что он камчатский ссыльный (хотя это для нас и важно), а для сравнения: по восшествии на престол новой императрицы Калачев, «радевший» за царицу-матушку Елизавету Петровну, был возвращен из ссылки и произведен в следующий чин с материальным поощрением, как, впрочем, и многие другие ссыльные, кто пострадал, сочувствуя Елизавете; а Иосафат Андреевич Батурин, десять лет отсидевший в одиночной камере Шлиссельбургской крепости при восшествии на престол императора Петра Федоровича, во имя которого он намеревался поднять бунт и завладеть престолом, продолжал оставаться тайным арестантом, как и император Иоанн Антонович, томившейся в неволе где-то по соседству с Батуриным.

Почему Батурину было вынесено столь жестокое наказание?

Почему он не был прощен при Петре Федоровиче?

И почему потом его все-таки отправили в ссылку на Камчатку?

М. М. Сафонов, петербургский историк, одну из своих статей, посвященных императору Павлу I, начинает так:

«В начале марта 1772 года в пучине Индийского океана нашел свое последнее успокоение человек, которому российский император Павел I обязан был своим появлением на свет. На французском фрегате в нескольких милях от Иль-де-Франс скончался беглый каторжник. Умер в окружении бывших колодников с изуродованными палачом лицами: у кого ноздри вырваны, у кого язык усечен. Впрочем, в такой компании он не мог не чувствовать себя в своей тарелке. Как-никак двадцать лет провел за решеткой: три с половиной года в застенке Тайной канцелярии, остальные семнадцать лет — в шлиссельбургском каземате.

…Сам Павел не знал, чем обязан этому человеку, тело которого упокоилось на дне Индийского океана. Вряд ли и сам покойник мог догадаться об этом. Он не был отцом Павла. А звали его Иосаф.

…Среди «верноподданных» цесаревича не было человека, который оказал на судьбу Павла большего влияния, чем этот авантюрист. По словам Екатерины II, Батурин был «весь в долгу, игрок и всюду известный за большого негодяя, впрочем человек очень решительный». «Послужной список» «решительного негодяя», сыгравшего решительную роль в судьбе Павла, оказался длинным и разнообразным. Воспитывался в Сухопутном Шляхетском корпусе. Был выпущен в армию прапорщиком. Но вскоре приговорен к смертной казни за непристойные и неучтивые слова против своего полковника фон Экина. Более того, объявил на него, а также на князя Козловского «слово и дело». Обвинение оказалось ложным. Но Батурина не казнили. Сняли чин и выслали в Сибирь на казенные работы. Здесь он снова объявил «слово и дело» на тех же лиц и опять ложно. Отбыв срок, вступил в армию солдатом и выслужился до подпоручика. Во второй половине 1749 года вместе со своим Ширванским

полком оказался в местечке Раево, около Москвы. Здесь-то и произошло самое интересное — событие, предопределяющее всю последующую жизнь авантюриста».

Итак, что же произошло такого, что повлияло не только на судьбу самого Иосафата Андреевича, но и на всю русскую историю?

Глава называется «Заговор по всей форме». Кавычки в названии указывают на то, что эти слова часть какого-то высказывания, а не авторское определение. Обратим на это внимание.

Император Петр III

А далее приведем эту главу полностью, так как она важна и для нашего рассказа:

«В конце 1749 года императрица Елизавета Петровна перестала целовать руку наследника вел. кн. Петра Федоровича. Вскоре от имени императрицы ему пригрозили Петропавловской крепостью и недвусмысленно напомнили об участи царевича Алексея.

Угрозы Елизаветы были вполне реальны, и главное, они были сделаны неспроста. И Петр Федорович это отлично знал.

Летом 1749 года Петр Федорович услышал из уст одного из полковых офицеров, что он «не признает другого повелителя, кроме него, и что императорское высочество мог рассчитывать на него и на весь полк, в котором он был поручиком».

Это примечательный разговор произошел под Мытищами, возле Москвы. Летом 1749 года, когда великокняжеский двор находился в Раево, главным развлечением была охота. Великий князь Петр близко сошелся со своими егерями, содержавшими его большую свору, «закусывал и выпивал с ними, и на охоте он был всегда среди них».

Близкое знакомство с егерями завел и поручик Батурин *(если их специально не свели друг с другом — С. В.),* ***полк которого стоял возле Мытищ. Иосаф уверил егерей, что «выказывает большую преданность великому князю», и утверждал, что весь полк с ним заодно*** *(то есть, получается, открыто говорил этим егерям о своем намерении изменить императрице — С. В.).* ***Егеря сообщили об этом Петру Федоровичу*** *(а не донесли в Тайную канцелярию, как положено в соответствии со «Словом и Делом» — С. В.).* ***Наследник не только «охотно выслушал этот рассказ», но и захотел узнать*** *(??? — С. В.)* ***через своих егерей подробности об этом полке. Вскоре Батурин стал добиваться***

через егерей встречи с Петром. Великий князь согласился далеко не сразу. Он долго колебался *(почему? — С. В.),* ***но затем «стал поддаваться; мало-помалу случилось то, что, когда великий князь был на охоте, Батурин встретился ему в укромном местечке. Он пал перед Петром на колени и поклялся «не признавать никакого государя, кроме него, и что он сделает все, что великий князь прикажет».***

Петр Федорович был несколько смущен таким выражением преданности *(а не фактом государственной измены — С.В.)* ***и даже немного*** *(!!! — уместнее было бы слово «смертельно» — С. В.)* ***испуган. После, когда Батурина уже пытали в Тайной канцелярии, Петр Федорович рассказывал жене, что, «услышав клятву, испугался, пришпорил лошадь, оставив Батурина на коленях в лесу». Он утверждал, будто егеря, которые представили Иосафа, не слышали, что тот сказал. Петр уверял жену, что он «более не имел никаких сношений с этим человеком» и что даже предупредил егерей, чтобы они остерегались, как бы этот человек не принес бы им несчастья».***

Однако Екатерина была уверена в том, что после встречи в лесу состоялось еще несколько свиданий и переговоров между егерями, великим князем и «этим офицером». «Затрудняясь сказать, — писала Екатерина, — говорил ли он мне правду; я имею основание думать, что он убавлял, передавая о переговорах, которые, может быть он вел, ибо со мною даже он говорил об этом деле только отрывочными фразами и как будто поневоле».

После клятвы Иосафа в лесу Петр Федорович хранил в секрете все, что произошло, и даже не поделился с этим с женой. Егеря же делали вид, что не слыхали, что именно Батурин сказал великому князю *(можно подумать, что они имели право оставить их наедине — С. В.).*

Петр Федорович и Екатерина Алексеевна

Молчание великого князя и потворство встречам с ним на охоте Иосаф принял за формальное согласие *(а за что еще? — С.В.)* ***Петра. Батурин убедил сотню солдат своего полка присягнуть великому князю, уверяя, что он получил на охоте согласие самого Петра на возведение его на престол. Гренадеры, которых Иосаф пытался склонить на свою сторону, донесли на него. Можно представить страх наследника, когда егеря сообщили, что Батурин арестован, доставлен в Тайную Канцелярию. Вскоре дело дошло и до егерей. Они тоже оказались в Преображенском. Подбирались и к самому наследнику.***

Под пыткой Батурин признался в своих сношениях с великим князем через посредство егерей. Они были уличены в том, что предоставили наследнику возможность встретиться с Иосафом. К счастью, допросили их лишь «слегка» *(почему? — С. В.)***. Егеря не захотели оговорить Петра. Вскоре их выпустили и выслали за границу (вот так! — С. В.) Но они успели дать знать великому князю, что не назвали его** (через кого? — С. В.)***.**

В своих мемуарах *(то есть все рассказанное соответствовало действительности — С. В.)* ***Екатерина утверждала, что ничего не знала об этой истории и была абсолютно не причастна к ней. Правда, это весьма сомнительно. В Раево охотился не только ее супруг, но и она сама. И именно ей Батурин сыграл на «почтальонной трубке» виват и закричал, что был бы рад видеть ее мужа на престоле. Трудно поверить, чтобы этот человек, демонстративно проявивший преданность к великокняжеской чете, не заинтересовал ее, и она не навела справки о том, кто этот смельчак. Впрочем, с точки зрения Тайной экспедиции, даже если она пропустила мимо ушей все сказанное и сделанное Иосафом, она все равно была уже виновна, как и ее супруг, в том, что не донесла.***

Впрочем, есть основания думать, что и Петр не был лишь безучастным слушателем полубезумного пьяного *(как потом уже преподнесли — С.В.)* ***офицера, но проявил*** *(проявили?! — С.В.)* ***определенную заинтересованность в том, что тот предлагал*** *(а предлагал, вероятно, трезвое, разумное с точки зрения политического расчета — С. В.).* ***В первой редакции своих мемуаров Екатерина утверждала, что, когда она воцарилась, среди бумаг покойной Елизаветы нашла следственное дело Батурина. Оно было очень объемисто*** *(странно, но в ЦГАДА оно весьма тоненькое: видимо, «похудело» в результате внимательного чтения новой императрицы — С. В.)* ***и, наверное, императрица*** *(Елизавета — С. В.)* ***так никогда его и не прочла. Оттого она не имела правильного представления об этом деле. В действительности же, хотя дело затеяли «безрассудно и неосторожно», это «был заговор по всей форме». По словам Екатерины, Батурин хотел возвести Петра Федоровича на престол, заключить императрицу в монастырь и перерезать всех, кто мог воспрепятствовать его планам».***

И эти планы Батурина целиком и полностью совпадали с планами человека, которого боготворил великий князь Петр Федорович, — прусского короля Фридриха II, верные слуги которого разбрасывали по России очередную партию шпионов-масонов.

Батурину, вероятно, пообещали за участие в заговоре чин полковника. И он не присвоил себе этот чин в Шлиссельбургской крепости, когда Петр Федорович стал императором, — он посчитал для себя совершенно законным называться теперь полковником за те услуги, которые им, якобы, были оказаны для восшествия Петра Федоровича на трон.

Если уж Калачев за двухлетнее отбытие камчатской ссылки был недоволен чином майора и премией в пятьсот

рублей, то что же говорить о Батурине, который мечтал быть хотя бы полковником и носить ленту какого-нибудь престижного ордена, поэтому, ничтоже сумняшеся, он позже так и подписался: «полковник и обер-кабинета курьер». То есть он четко осознавал свою историческую роль КУРЬЕРА, связывая некогда Петра Федоровича с тайными силами империи.

«Дело Батурина осталось недостаточно ясным. В нем отсутствуют многие страницы, исчезли важнейшие показания. Из дела явствует, что Батурин, помимо солдат своего полка, намеривался использовать для реализации замысла московских фабричных, недовольных своим положением, Преображенский батальон, лейб-компанцев».

Но вот что самое главное, найденное в ЦГАДА (фонд 6, оп. 1, ед. хр. 377, л. 47). На допросе прапорщик Выборгского пехотного полка Тимофей Ржевский назвал со слов Батурина имена заговорщиков: ***«Есть и большие люди — граф Бестужев и генерал и кавалер Степан Апраксин — и просил пикеров доложить об этом Петру»***.

Конечно, Батурин мог назвать какие угодно имена. Но он назвал эти. Со Степаном Апраксиным в какой-то мере ясно: по свидетельству современников, он до такой степени был предан Фридриху, что специально проиграл для него сражение в Семилетней войне и пошел под суд.

Но кто из двух братьев Бестужевых мог быть в заговоре?

Канцлер? Возможно. П. В. Долгоруков говорит прямо: ***«… что касается его характера, то нет таких человеческих слов, которые смогли бы выразить всю испорченность; для него не было ничего святого… Это был выдающийся дипломат, тонкий знаток человеческих сердец, владевший как искусством ловко управлять людьми, так и искусством их надувать»***.

Степан Федорович Апраксин

Канцлер граф Алексей Петрович Бестужев-Рюмин

Что касается его брата, то эти родственники стоили друг друга: ***«Граф Михаил, назначенный российским послом в Берлине, а вскоре вслед за тем переведенный в том же качестве в Дрезден, не только самым постыдном образом отрекся от несчастной жены своей*** *(дочери Головкина, вдовы Ягужинского, проходящей по «делу Лопухиных» — С. В.),* ***не только не добивался разрешения оказать ей хоть какую-нибудь помощь, но, будучи шестидесятилетним стариком, женился в 1749 году на г-же фон Хаугвитц, вдове обер-шенка Саксонского двора»,*** чтобы приблизиться к Фридриху. Но «***…когда брат-канцлер подготовил почву для его возвращения в Петербург, Михаил вернулся и был наилучшим образом принят; он провел зиму в Петербурге, а в 1756 году отправился послом в Париж, чтобы способствовать заключению союза и открытию военных действий против того самого Фридриха II, освобождению которого из безрадостной тюрьмы Кюстрин он способствовал за четверть века до этого»***.

То есть для братьев Бестужевых не существовало никаких понятий ни о чести, ни о достоинстве — они были полнокровными детьми своего времени, которые отметали со своего пути всяческую нравственную шелуху. Но, тем не менее, никто из современников и последующих историков не обвинил канцлера Бестужева в связях с Фридрихом. Наоборот…

Что привело Батурина в стан этих заговорщиков? Он и не скрывал мотивов: он хотел быть, как минимум, полковником, когда кое-кто из его однокашников, приближенных к трону, был уже генералом и кавалером.

Во взаимоотношениях генерал-фельдмаршала Степана Апраксина и канцлера империи Бестужева-Рюмина действительно была какая-то тайна. Вот что писал по этому поводу в 1841 году историк К. М. Бороздин: ***«Бестужев, ненавидимый великим князем Петром Фёдоровичем, решился***

возвести на престол сына его, цесаревича Павла Петровича, под опекунством Екатерины. Тяжкая болезнь императрицы Елизаветы представила ему случай исполнить отважное намерение; полагая, что Елизавета находится на смертном одре, он отозвал своего друга, фельдмаршала Апраксина, к пределам России, чтобы иметь в своем распоряжении его армию. Императрица освободилась от болезни, удалила канцлера в деревню, где он оставался и в царствование Петра III. Исполнитель воли первого министра [Апраксин], лишившийся плодов своей победы, был также потребован к ответу и заключен в небольшом дворце близ Санкт-Петербурга у места, называемого Три-Руки; около трёх лет он находился под судом и внезапно скончался 26 августа 1760 года.

О его смерти сохранилось предание, будто императрица, недовольная медленным производством следствия, спросила: отчего так долго продолжается это дело? Ей отвечали, что фельдмаршал не признается ни в чём и что не знают, "что с ним делать".

"Ну так — возразила государыня — остаётся последнее средство, прекратить следствие и оправдать невинного". После этого разговора, в первое заседание следственной комиссии, фельдмаршал по-прежнему утверждал свою невинность. "Итак — сказал один из членов — остается нам теперь употребить последнее средство…". Не успел он кончить слов, как вдруг апоплексический удар повёрг Апраксина мёртвым на землю».

Вполне вероятно, что эта версия была запущена в свое время самими прусскими масонами (к которым относились и Апраксины), чтобы ниспровергнуть канцлера, когда попытка организации «Лопухинского дела» провалилась, и канцлер вышел «сухим из воды».

Апраксины, как и Воронцовы, не были из знатного рода — они приписали себе древнее происхождение

от Апраксиных, будучи на самом деле безвестными Праксиными. Суть дела была достаточно проста: царь Федор, овдовевший со смертью Агафьи Грушецкой, нашел себе новое утешение — и 14 февраля 1682 года женился на Марфе Праксиной, но в ночь свадьбы заболел и вскоре умер.

Царица Марфа Матвеевна

«Его вдова умелым поведением создала себе прочное положение при дворе. Целой и невредимой она миновала все политические бури того неспокойного периода. Она заручилась дружбой Петра I и после основания Петербурга поселилась в новой столице и построила дворец на углу Адмиралтейской площади и Невской перспективы… невдалеке от особняка своего брата генерал-адмирала (на месте которого сейчас находится Зимний дворец). Она умерла 31 декабря 1715 года на 51 году жизни, и Петр I захотел узнать правду об этом кратком браке, бездетность которого обеспечила ему Российскую корону. Со свойственным ему цинизмом он не остановился перед освидетельствованием трупа: только убедившись собственными глазами в девственности своей почившей невестки, он передал генерал-адмиралу огромные богатства, завещанные ею брату в пожизненное владение.

Как только царь Федор решил жениться на Марфе Праксиной, так трое ее братьев получили повеление зваться Апраксиными, и их записали в генеалогию этой семьи в качестве детей скончавшегося без потомков Матвея Васильевича Апраксина, стольника царя Алексея…» *(мы еще коснемся истории этой семьи, когда будем рассказывать о камчатском ссыльном Петре Федоровича Хрущеве).*

Что же касается Степана Федоровича Апраксина, то он, по утверждению П. В. Долгорукова, относился ***«к подлинной ветви этого рода»***. Он рано лишился отца. А мать вторично вышла замуж за начальника Тайной канцелярии Андрея Ивановича Ушакова (их единственная дочь Екатерина Андреевна (1715–1779) была замужем за дипломатом графом П. Г. Чернышёвым, сыном Петра I, который в 1744–1745 гг. был членом масонской ложи «Трех земных шаров» в Берлине). Они были родителями графини Дарьи Петровны Салтыковой и княгини Натальи Петровны Голицыной, известной

под именем *Princesse Moustache* (прототип главной героини повести А. С. Пушкина «Пиковая дама»).

Воспитывался С. Ф. Апраксин бывшими Праксиными — в семье генерал-адмирала Федора Матвеевича Апраксина. Своим быстрым продвижением по службе обязан отчиму. Хотя автор статьи о С. Ф Апраксине в «Русском биографическом словаре» П. Гейсман полагал иное: ***«Возвышению его содействовало не столько отдаленное родство с графами Апраксиными, Петром и Федором Матвеевичами и их покровительство; сколько женитьба на дочери канцлера графа Гавриила Ивановича Головкина, Настасье Гаврииловне Головкиной, а затем дружеские связи с графом А. П. Бестужевым-Рюминым и особенно с графами А. Гр. Разумовским и братьями Шуваловыми. Так или иначе, не подлежит сомнению, что Апраксин пользовался особенным благоволением Императрицы Елизаветы Петровны»***.

Своим падением он также, скорее всего, обязан этому же родству и связям с пропрусскими масонами во главе с наследником Петром Федоровичем: обратим внимание на то, что после того, как Степан Федорович попал под суд, его жена вынуждена была оставить двор и удалиться в своё подмосковное имение Льгово, а при восшествии на престол Петра III получила позволенье вернуться в Петербург и заняла прежнее видное положение при Дворе. Его дочь — Елена Степановна была фавориткой великого князя Петра Фёдоровича, будучи женой гофмейстера и сенатора князя Б. А. Куракина (1733–1764). Её муж, Борис-Леонтий Куракин, скончался в 1764 году в возрасте 30 лет, оставив жене и детям много долгов. Их опекунами были назначены: графы П. И. и Н. И. Панины, граф Ф. А. Апраксин и А. Ф. Талызин. Опекуны, особенно граф Петр Иванович Панин, смогли привести в образцовый порядок огромное, но крайне обремененное долгами состояние Куракиных.

Старший сын покойного князя, Александр Борисович Куракин (1752–1818) был достойным воспитанником П. И. Панина и стал не только вице-канцлером Российской империи, но и одним из самых крупных российских масонов того времени.

Елена Степановна Куракина (Апраксина)

То есть совершенно не случайно Батурин говорил о связи генерал-фельдмаршала Апраксина и канцлера Бестужева: масоны использовали любую возможность, чтобы свергнуть ненавистного канцлера, стоявшего на их пути к верховной власти, и Батурин должен был в случае своего ареста распространить именно эту ложную информацию.

Та же роль отводилась и Апраксину — он должен был дать изобличающие Бестужева показания: ***«В январе 1758 года начальник тайной канцелярии или так называемый "великий или государственный инквизитор" (граф А. И. Шувалов) отправился в Нарву с целью "переговорить с Апраксиным насчет упомянутой переписки", т. е. для снятия допроса. Апраксин, еще раньше отдавший письма Великой Княгини, теперь категорически показал, что "молодому двору (он) никаких обещаний не делал и от него никаких замечаний в пользу прусского короля не получал". Тем не менее, он был арестован и перевезен в урочище Три-Руки, близ Петербурга, что было следствием обвинения его в государственной измене. В том же был заподозрен и канцлер Бестужев-Рюмин, враги которого добились, наконец, своей цели: 14-го февраля и он был арестован, а по делу его наряжена следственная комиссия из трех членов: князя Трубецкого, Бутурлина и гр. А. Шувалова, при секретаре Волкове.***

… В апреле 1758 года дело Бестужева окончилось ссылкою его в одну из его деревень; из этого же дела, из объяснений Императрицы с Великою Княгинею и из всего следственного делопроизводства, собственно, по отношению к Апраксину выяснилась полная невинность фельдмаршала не только по отношению к ведению им операций вообще, но и в особенности по отношению к тому, что он будто бы не имел охоты выступить из Риги. Тем не менее, следователи и судьи не решались ни отказаться от обвинения, ни признать его невиновным, в таком случае нельзя было бы

оправдать отнятие у него начальства над армиею, ибо и по другому, важнейшему обвинению, в ведении недозволенной переписки с Великою Княгинею, оказалось, что эта переписка совсем не имела преступного характера, и что, напротив того, как Великая Княгиня, так и канцлер Бестужев убеждали фельдмаршала идти скорее в поход. Неизвестно, чем окончился бы этот суд, если бы не последовала внезапная смерть фельдмаршала 6-го августа 1758 года. Он был похоронен довольно таинственно, в Невской лавре, без всякой церемонии, а досужая молва не замедлила обставить его смерть разными фантастическими подробностями» *(Цитата из «Записок князя Петра Долгорукова»).*

А он просто стал лишним в этой страшной политической игре, в которой ему отводилась, в принципе, такая же роль, как и Батурину: низвергнуть Бестужева. Игра шла, по всей видимости, втемную. Поэтому так много этих «разных фантастических подробностей».

Какова оценка С. Ф. Апраксина нашим главным историческим экспертом — князем Петром Владимировичем Долгоруковым?

«Это был хитрый человек, низкий и угодливый, интриган без стыда и совести, усердный льстец перед людьми влиятельными; невзирая на свою ограниченность, он сделал блестящую карьеру: при полном отсутствии каких-либо талантов к управлению он стал президентом Военной коллегии; не имея никаких военных дарований, стал фельдмаршалом и главнокомандующим армии; в тот единственный раз, когда он командовал армией как главнокомандующий, он обнаружил полное отсутствие глазомера и сметливости, присущих военному человеку, как и просто нерешительность и колебания, граничащие с трусостью. Единственное генеральное сражение, которое он дал как главнокомандующий,

сражение при Гросс-Егерсдорфе в 1757 году, окончившееся блестящей победой наших войск, в середине дня казалось проигранным; наша армия уже начала отступать, часть артиллерии и весь обоз подверглись опасности быть захваченными пруссаками, когда граф Румянцев (славный фельдмаршал, в ту пору генерал-майор и командующий дивизией) предпринял по своей собственной инициативе энергичный и умелый маневр — врезался в центр прусской армии, и в результате день окончился победой наших войск, победой, которой фельдмаршал Апраксин не сумел даже воспользоваться или извлечь хоть какое из нее преимущество».

Но будем справедливы — русской армией в тот день командовал не фельдмаршал Степан Апраксин, а специально созданная для этого конференция: ***«Положение русских полководцев было стеснено образованной в январе 1756 г. при Высочайшем дворе конференцией, членами коей, кроме канцлера А. П. Бестужева, были назначены: князь Трубецкой, Бутурлин, Воронцов и графы П. и А. Шуваловы. Основания к образованию этой конференции были выработаны канцлером, который находил, что «с потребною скоростью и силою управлять и двигать такую махину, каков есть корпус в 55000 человек, удовольствительное оного содержание, предприемлемые им (войском) операции и множество сопряженных с тем околичностей» с полным удобством могут быть разрешены только «комиссиею» под личным руководством Императрицы»*** *(РБС)*.

В истории гвардейского Семеновского полка, майором которого состоял генерал-фельдмаршал, дается следующая версия: ***«Ожидали, что Апраксин покорит все королевство, но вместо того он 27 августа переправился обратно за Прегель и с неимоверною поспешностью, с таким беспорядком, как бы потерпел совершенное поражение. Различным образом объясняют***

этот неожиданный переворот: фельдмаршал сложил вину на недостаток в продовольствии; иные писатели говорят, что канцлер граф Бестужев-Рюмин приказал ему отступить в угождение великому князю Петру Федоровичу. Но повествование Бишинга основательнее: Бестужев, ненавидимый великим князем, решился возвести на престол сына его, цесаревича Павла Петровича, под опекунством Екатерины. Тяжкая болезнь императрицы представила ему случай исполнить отважное намерение: полагая, что Елизавета находится на смертном одре, он отозвал своего друга фельдмаршала Апраксина к пределам России, чтобы иметь в своем распоряжении его армию. Императрица освободилась от болезни, удалила канцлера в деревню, где он оставался и в царствование императора Петра III. Исполнитель воли первого министра, лишившийся плодов своей победы, был также потребован к ответу: заключен в небольшом дворце близ С.-Петербурга у места, называемого Три Руки; около трех лет он томился под судом и скончался внезапно 26 августа 1760 года».

Будем справедливы и к оценкам другого рода: «***Апраксин обладал характером подлым от природы, мало кто с ним мог сравниться по коварству и злобе; он был достойным зятем и политическим последователем графа Ушакова и достойным другом лукавого и коварного канцлера Бестужева. Для него было обычным делом брать взятки и воровать в делах, доверенных его управлению, предавать друзей, вредить им при дворе, доводить их до гибели или плутовать в картах. <…> Надменный и высокомерный с подчиненными, он не отступал ни перед какой мерзостью, чтобы поддержать свое влияние при дворе. Чтобы приобрести благорасположение и поддержку графа Петра Шувалова, он без колебаний стал его посыльным***

с любовными записочками к своей собственной дочери Елене Степановне Куракиной; он способствовал этой связи и оберегал ее, извлекая тем самым выгоду из бесчестия своей дочери».

И эта оценка князя П. Долгорукова только подтверждает нашу мысль о том, что фельдмаршал Апраксин на самом деле был всего лишь исполнителем воли той части Конференции (масонского гнезда), члены которой служили прусскому королю Фридриху, и все действия которых были направлены на достижение единственной цели — свержение Бестужева, чего они в конце концов и добились.

Род Батуриных был достаточно древний и благородный. По одной из генеалогических версий, Батурины одного рода с польским королем Баторием и происходят «из немец», прибывших «из венгерской земли в 1492 г. к великому князю московскому Василию Ивановичу и пожалованного имением на Рязани». Согласно преданию, изложенному М. П. Чернявским в «Генеалогии господ дворян, внесённых в родословную книгу Тверской губернии с 1787-го по 1869 год», этот род происходит от древнего Трансильванского дома Баттора *(Bathori)*. Два брата — Батугерд и Анципитр (Зенислав), приняв православие, стали соответственно Дмитрием Бутуриным и Петром Бакуниным.

Дмитрий Батурин получил вотчины в Рязанских землях.

Петр Бакунин — в Тверских.

Отсюда, вероятно, и родовая связь Батурина с масонами-заговорщиками (а всю теоретическую подготовку он прошел в Сухопутном шляхетском корпусе, созданном специально для этой цели).

С Бакуниными и их участием в масонских ложах все более-менее ясно: прадед знаменитого революционера-анархиста, идеолога народничества Михаила Бакунина, Василий Михайлович Бакунин (1700–1766) служил в самом главном месте сосредоточения русских масонов — Коллегии иностранных

дел в чине действительного статского советника (четвертая строка в Табели о рангах), два его сына — Петр Васильевич-большой, действительный статский советник, и Петр Васильевич-меньшой, тайный советник, то есть рангом выше брата, служили там же при Екатерине II. Последний при масоне графе Н. И. Панине по своему влиянию был даже соперником канцлера Безбородко. В числе первых русских академиков был избран в Академию наук (вместе с масоном Херасковым). Лицейский друг Александра Сергеевича Пушкина, Александр Павлович Бакунин (1797–1862) и не скрывал того, что он был масоном (тайный советник и сенатор). Родной дед революционера был действительным статским советником, вице-президентом Камер-коллегии.

То есть масонство было весьма благоприятной аристократической средой для формирования революционеров. Анархист Кропоткин вообще был из русских — Смоленских — князей. Оба они — и Бакунин, и Кропоткин вышли из масонских кругов.

Сородичи Бакуниных, рязанские дворяне Батурины тоже были не из последних русских аристократов: Борис и Венедикт Мироновичи, Иван и Григорий Степановичи Батурины были стольниками царя Петра I.

Иосафат Андреевич Батурин, был, по всей видимости, сыном Андрея Венедиктовича, внуком Венедикта Мироновича Батурина. Других Андреев Батуриных мы не обнаружили. Да и тот факт, что в 1732 году Иосафат поступил в Сухопутный Шляхетский корпус, куда набирали детей только благородного сословия (а отец его, как следует из дела, был поручиком команды Московской полицмейстерской канцелярии), говорит сам за себя. У Венедикта Мироновича был еще сын Иван, от которого, судя по родословной, описанной П. В. Долгоруковым, и пошли все остальные Батурины в X–XII коленах — племянники Иосафата Андреевича.

Совершенно случайно в Интернете обнаружилась еще одна любопытнейшая информация: «***Деревня Юрьевка. Рядом было сельцо с барской усадьбой, в 1860 г. принадлежавшей Батуриным, предок которых, поручик И. А. Батурин, возглавлял заговор против Елизаветы Петровны в пользу Петра Федоровича, и за это был осужден и сослан на Камчатку***».

Но это еще не все: рядом с Юрьевкой, в границах Минского стана, раскинувшегося на левом берегу Волги, где проходил тракт из Костромы, располагалась Опахалинская вотчина одного известного царедворца: «***Село Минское с деревнями Опалиха, Реброво, Бочкино, Щапово, Дубки, Палкино купил Р. И. Воронцов, и они вошли в состав его Опалихинской вотчины***».

Роман Илларионович Воронцов

Не знаю, жили ли в соседях Роман Илларионович Воронцов с Иосафатом Андреевичем Батуриным (известный масон мог приобрести эти деревни и после ареста заговорщика), но мы знаем, что именно в Юрьевке хранилась знаменитая чудотворная икона. История ее такова: ***«В давнишние времена жил в Юрьевском помещик Семён Ильич Загряжский. Сосватал он себе в жены девицу Прасковью — единственную дочь стольника и полковника московских стрельцов Бориса Мироновича Батурина, крестника Петра I, жившего тогда в своем имении в Боровском уезде. Благословил их Батурин своей реликвией — Боголюбской иконой Божией Матери (списком с Владимирской), которой когда-то и его самого благословил и одарил Петр. Так святыня перешла из придворного храма в дом Загряжского в Юрьевском, а по наследству — к детям и внукам Прасковьи Борисовны»***.

И поэтому связь Батуриных с Загряжскими — любопытный исторический след, который мы не можем обойти вниманием (и не только потому, что Загряжские — родственники Александра Сергеевича Пушкина, таковых людей в нашем рассказе встречается не так уж и мало), а потому что Загряжские были масонами.

В списке (1777 г.) капитулов Санкт-Петербурга (капитулами назывались масоны, являвшиеся передаточными звеньями между заграничными масонскими центрами и русскими масонскими ложами, они были наделены особыми правами и вели работу в строжайшем секрете, состав их не был известен даже большей части «братьев») имеется и Загряжский.

А самым видным государственным деятелем из Загряжских был именно прадед А. С. Пушкина, Артемий Григорьевич. Мария Артемьевна Загряжская в первом браке была за А. В. Исленьевым, а после его смерти — за бароном Александром Григорьевичем Строгановым

(в этом списке капитулов двое из рода Строганов — сам барон и граф, Александр Сергеевич, племянник Александра Григорьевича, женатый на Анне Михайловне Воронцовой, дочери канцлера, и их сын — Павел Александрович).

То есть, как видим, масонские семейные круги на поверхности правящей России XVIII столетия расходятся из родовых фамильных гнезд Воронцовых, Чернышевых, Шуваловых, Строгановых, Загряжских…

Расходятся все шире и шире.

КАМЧАТСКИЕ ССЫЛЬНЫЕ
≡ТАЙНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ≡

С. И. ВАХРИН

МАСОНСКИЙ ЗАГОВОР

Часть III

ИОСАФАТ БАТУРИН

ООО « Свое издательство»
199053, Санкт-Петербург,
ул. Репина, 41
Телефон: (812) 900–21–45
Сайт: isvoe.ru
Почта: editor@isvoe.ru
Заказ № 1915-3
Подписан в печать 05.09.2017
Тираж 100 экз.

Отпечатано в собственной типографии
ООО «Свое издательство»